

Сергей Яковлев

**СОВЕТНИК
НА ЗИМУ**

Роман

Сергей Яковлев

Советник на зиму. Роман

«Издательские решения»

Яковлев С.

Советник на зиму. Роман / С. Яковлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902385-8

Современный авантюрно-философский роман. Главный герой — бедный молодой художник, неожиданно для самого себя приближенный к старому губернатору. Смешные и печальные приключения чудака, возомнившего себя народным заступником. Высокие понятия о чести переплетаются здесь с грязными интригами в борьбе за власть, романтические страсти — с плотскими забавами, серьезные размышления о жизни, искусстве и религии — с колоритным гротеском. За полуфантастическим антуражем угадываются реалии нынешней России. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-902385-8

© Яковлев С.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	7
Глава первая.	7
Глава вторая.	14
Глава третья.	24
Глава четвертая.	32
Глава пятая.	42
Глава шестая.	52
Глава седьмая.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Советник на зиму

Роман

Сергей Яковлев

© Сергей Яковлев, 2019

ISBN 978-5-4490-2385-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Д-ру С.-Ф. Викланду,
послу по особым поручениям Его Величества Короля Норвегии,
секретарю Международной гуманитарной миссии в регионах с проблемной демократией*

Дорогой друг! (Хочется надеяться, что я еще не лишился права называть Вас так.)

До Вас, вероятно, доходили слухи, будто я готовил переворот и покушался на жизнь некоего демократического лидера. Будто минувшей осенью спровоцировал бунт, в ходе которого погибли люди. Будто мне удалось соблазнить помощницу престарелого губернатора, втереться через нее в доверие к потерявшему разум старику, стать его злым духом и развалить в городе все, что к тому времени еще не было развалено, обчистить казну, ввергнуть население в нищету, голод и болезни. Будто, с одной стороны, армия бедняков нужна была мне для осуществления все той же цели – кровавого переворота и установления личной диктатуры, но, с другой стороны, я почему-то презирал и ненавидел эту самую бедноту и всячески ее изводил, сам при этом купаясь в роскоши. Будто в конце концов я решил избавиться и от своего благодетеля, намереваясь занять его место, и для этого начал сеять панику, организовывать нелепые поджоги и убийства...

Не хочу, да и не имею сейчас сил вдаваться в подробности. Вы достаточно меня знаете, чтобы понять, что все это – злонамеренная ложь.

Вам могли говорить также, что я растлевал детей и, в частности, сожительствовавал с малолетней племянницей, которая, не выдержав надругательства, покончила с собой. (Увы, Даша действительно погибла, но совсем по другой причине, хотя на мне лежит страшная вина за ее судьбу.) Что, злоупотребляя должностным положением, я затаскивал в постель чуть не всех смазливых женщин, заставлял их исполнять мои гнусные прихоти, а потом еще рисовал в срамных и унижительных позах в своем альбомчике. Что я, скорей всего, не просто так покровительствовал скандально известному гомосексуалу. Что вообще вся моя деятельность, в том числе творческая, сводится к содомии, богохульству и сатанизму. Что я даже примкнул к какому-то тайному ордену и на этой почве сошелся с заезжей танцовщицей, женщиной сомнительного поведения, да еще шпионкой, да ведьмой! Вы хорошо знаете, о ком речь. Будто бы она меня завербовала – и при этом меня же обвиняют в ее жестоком убийстве.

Ставится мне в вину, конечно, и знакомство с Вами, в чем усматривают фрондерство, продажность, измену, опять-таки причастность к какому-то политическому заговору. Теперь я уже сам не могу понять, кто я в их глазах: жидомасон или агент мирового империализма, националист или левый экстремист? Все подстроено так, чтобы вконец заморочить обывателей, а меня лишить воли к сопротивлению. Вы, конечно, знаете, как важна для художника уверенность в себе и своих замыслах, сколько сил он расходует на поддержание такой уверенности и как легко ее опрокинуть малейшему внешнему толчку.

Полагаю, у Вас хватит здравого смысла, чтобы разобратся в подобной чепухе.

По поводу нашей общей знакомой могу сказать, что я не верю в ее смерть, и это, наверное, единственное, что сегодня спасает меня от безумия. Сила моего чувства к ней не могла не оградить ее от беды. Мне кажется, мы с ней еще соединимся.

Скоро меня будут судить. Ни в одном из преступлений, приписываемых мне клеветниками и молвой, я не виновен. Настоящие преступники – мои обвинители. И все-таки на моей совести много такого, что не позволит мне искать оправдания или молить о пощаде. Об этом я буду говорить на суде, хотя и не уверен, что кто-нибудь там меня поймет.

После всего происшедшего Вы, конечно, вправе от меня отвернуться, но умоляю Вас не делать этого раньше, чем Вы узнаете правду. Иначе я поневоле буду думать, что прежде Вас привлекал не я, но мой мундир, а теперь испугало жалкое положение заключенного. Как бы Вы ни решили, знайте: несмотря на серьезные расхождения во взглядах, несмотря даже на то, что Вы относились ко мне порой весьма рассеянно, а ко всему, что мне дорого, с явным предубеждением, – я вас любил, люблю и буду любить. Не за то, что Вы иностранец, да еще с какой-то там миссией, но за Ваши простодушие, теплоту, добрый юмор. Именно поэтому мне всегда хотелось достучаться до Вашего европейского сердца и объяснить, что то, что происходит во мне, тоже человеку, пострадавшее всех на свете войн и диктаторских режимов, нищеты и дискриминации, любых злодейств, предательства, лжи, насилия, – потому что открывает дорогу и тому, и другому, и третьему, и еще чему-то немислимо худшему. Что-то творится со мной и вокруг меня такое, что в любой момент может вытолкнуть всех нас из привычного круга проблем в настоящий ад. Не терпим ли все мы, люди, одно и то же поражение?.. Истоцив силы разума в борьбе с убудочными играми вокруг прошлого и будущего – за настоящее, которого нет.

Мысли в одиночестве приходят разные, на многое я теперь смотрю по-новому, так хотелось бы обсудить все это с Вами! Но боюсь, нам уже не суждено свидеться.

Прощайте, дорогой друг. Горячо обнимаю и остаюсь любящим Вас

В. Несговорков.

Башня. 26 апреля.

Часть первая

ЧЕЛОВЕК ОГНЯ

Что время или совсем не существует, или едва, будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию.

Аристотель.

Глава первая.

Театр

В условленный час Маранта не спустилась к служебному входу.

Двое дожидались ее под лестницей. Путь вверх преграждал обшарпанный стол, за которым сидела на страже женщина неопределенного возраста в очках, с жидкими крашенными в медный цвет волосами, не скрывавшими голубоватой проплешины на макушке.

Какое-то время она была занята. Торопливо вбегали и пропадали за лестничным поворотом припозднившиеся актеры. Медноволосая укоризненно посверкивала на них толстыми линзами. Прибыла шумная ватага музыкантов с громоздкими инструментами в чехлах, попрепиралась о чем-то с вахтершей, нарочно сердя ее и посмеиваясь, и в конце концов тоже исчезла наверху. Но вот входная дверь стала стучать реже, а там и совсем затихла, и привратница смогла целиком отдаться изучению двух незнакомых ей посетителей.

Молодой человек лет тридцати, ростом повыше среднего, одетый бедно и не по погоде, с нервными, покрасневшими и слегка припухшими от мороза руками, недвижно стоял возле двери. Пришедшая с ним девочка-подросток в коротком клетчатом пальтишке с латунными бубенчиками поначалу застенчиво жалась в углу, но затем освоилась, начала сновать туда-сюда в тесном закутке прихожей, оглядывая разрисованные и исписанные местными остроловами стены.

Пройдя очередной круг под самым носом у привратницы, девочка потянула молодого человека за рукав и взмолилась:

– Дядя Вадик!..

– Нельзя ли как-то известить Маранту, что ее здесь ждут? – обратился молодой человек к вахтерше. – Меня зовут Вадим Несговоров. Она знает.

– Маранта!.. – пробормотала вахтерша себе под нос. – Таких имен-то не бывает. Проходимцы.

– Вам следовало бы знать ведущую актрису театра, если уж вы здесь работаете! – настаивательно заметил Несговоров, больше обидевшись за Маранту, чем за себя.

– Хрюкалы вонючие! Показывают пачку денег, а там резаная бумага. Спрашиваю: где деньги? А они в это время дубинкой по голове. Электрошоком. Хорьки! Хоть лопни, а подавай им бесплатные котлеты. Это из-за вас золотые рудники стали нерентабельными. Будь моя воля, пешком бы тебя на эти рудники, в кандалах!..

Несговоров догадался, что она сумасшедшая. Девочка оробела, обняла дядю за руку и уткнулась носом в жесткий ворс рукава.

– Кто вас приглашал? – раздался звонкий голос сверху.

На ступенях стоял худой юноша в ермолке, с густыми сальными кудрями до плеч. Он был до того тонок, что казался в нескольких местах надломленным.

– Поднимайтесь, – сказал юноша, пряча странную усмешку.

– А по тебе, клоун, давно колодки плачут! – рявкнула вахтерша, показав ему кулак.

На секунду юноша задумался, мусоля во рту курчавую прядку. Затем сбежал вниз.

– Придется в обход.

– Вас прислала Маранта? – оживился Несговоров. – Здравствуйте!..

Юноша с некоторым недоумением молча подал ему узкую влажную ладонь и вновь чему-то усмехнулся.

За дверями было уже темно, на обледенелую землю падал редкий снег. Несговоров с девочкой поспешили за юношей через двор, лавируя между мусорными контейнерами и кучами шлака.

– Извините, мы с Дашей не предвидели такие сложности... Вероятно, следовало просто купить в кассе билеты... – Несговоров машинально нащупал в кармане смятые рубли и подумал, что давно не бывал в театре и не представляет, сколько это может теперь стоить. – Мы бы так и сделали, но Маранта наказала ждать!..

Юноша нырнул в подвал. Понеслись по слабо освещенному коридору с отпотевшими ржавыми трубами вдоль стены. Проводник то и дело пропадал из вида за поворотами. Вдруг ударил в глаза яркий свет. Они оказались в низком помещении с кафельными стенами. Посередине пылала большая плита, возле нее крутились несколько женщин в замызганных белых халатах. Бородатый мужик в клеенчатом фартуке топором разрубал на кряже свиную тушу.

– А где волосатик? – растерянно спросила Даша, оглядываясь по сторонам.

Проводника нигде не было. У Несговорова упало сердце. Спрашивать о Маранте на кухне смысла не имело.

– Выходит, на артистов нельзя рассчитывать. Безответственная публика, – тихо пробормотал он.

– Не ты первый, – откликнулся издали мясник, с хрустом рассекая свиные ребра. – Не ты последний. – Похоже, он обладал феноменальным слухом.

– Гони их в шею! – крикнула мяснику одна из женщин, пробуя стащить с плиты кипящий котел.

Мясник степенно отпустил топор, поплевал на ладони и растер короткопалые волосатые руки.

– Кайтесь! – крикнул он.

– Что? – переспросил Несговоров.

– Кайся, грешная душа! Ибо хотя и велико терпение Господа Бога, Отца нашего небесного, но и его терпению приходит когда-то конец!

Глаза его полезли из орбит, как у бесноватого. Несговоров похолодел. Этого еще не хватало – вместо обещанного спектакля!

– Павлыч, да погоди ты! – повелительно крикнула от плиты самая толстая баба. – Лучше помоги Зине котел снять!

– Сейчас, сейчас! – Бородатый, разом придя в норму, суетливо затрусил к котлу, подвывая на ходу фартук.

– Павлыч, что это ты там про свой конец говорил? – задорно спросила третья кухарка. – К кому это он приходит? Я вот жду-жду, а ко мне что-то не заявляется!

Раздался дружный хохот. Несговоров схватил Дашу за руку и нырнул с ней в какую-то дверь.

Они вышли на узкую лестницу. В полной темноте мигом одолели пять или шесть пролетов. Шум из кухни сюда не доносился. Погони не было. Выбрались на тесную площадку, сверху придавленную пологим откосом кровли. Несговоров ощупал во тьме стенку и наудачу толкнул что-то похожее на косую фанерную дверь, которая неожиданно легко подалась и отошла. Прямо перед ними засверкала, переливаясь мириадами радужных огней, огромная хрустальная люстра.

На цыпочках, стараясь не задеть раскинутые повсюду лампы и провода, Несговоров с Дашей прошли вперед к ограждению. Отсюда были видны глубоко внизу партер и передняя часть сцены. По ней порхали под сладкую музыку женские фигурки в разноцветных воздушных нарядах, похожие на пестрых бабочек. Несговоров попытался угадать среди них Маранту, – но тут везде погас свет, и сцена погрузилась во тьму. Какое-то время лишь слышались возня рабочих, переставляющих декорации, да скрип механизмов. Затем ударили барабаны с литаврами. И вместо грациозных созданий в ярких шелках прожектор выхватил совсем иную картину.

Чумазы, одетые в серые лохмотья, они буйной толпой лезли куда-то вверх по канатной сетке, отпихивая друг друга локтями и ногами. Кто-то срывался и падал. Кто-то оставался лежать. Таких отбрасывали прочь с дороги либо затапывали, снова и снова устремляясь ввысь...

Несговоров больше не искал Маранту, он знал, что в этой толпе ее быть не может.

И опять все погрузилось во мрак, а буйство ударных сменила заунывная мелодия флейты. Нарастающий алый свет открыл взору жуткое зрелище: гору поверженных недвижных тел.

Внизу в партере застучали сиденья. Часть публики начала подниматься и уходить.

Даша свесилась и вертела головой, пытаясь разглядеть на женщинах в зале платья и украшения. Приглушенные разговоры в ложах, вечерние наряды, долетавшие наверх ароматы духов – все это действовало на нее возбуждающе.

– Дядя Вадик, мы уже не увидим Маранту? – Она заглядывала блестящими глазами ему в лицо. – На кого она похожа? Расскажи, какая она!

– Она самая талантливая и самая красивая, – сказал Несговоров, грустный оттого, что ему остается лишь вспоминать. – Худенькая, почти как ты, но высокая, с пышными черными волосами, и вся... Не знаю, как описать. Ее можно узнать в каждой черточке, любом движении. Пожалуй, даже по складке платья. Во всем открываются ее грациозная природа и душа. Ее душа – в танце. Она танцует всегда, даже когда просто садится в трамвай. Именно там мы с ней познакомились. Танцуют руки, волосы, губы, глаза...

Занимавшаяся на сцене заря тем временем обратилась в день. Гора трупов исчезла. И артисты, оказывается, вышли на сцену под звуки победного марша еще не для прощания с публикой.

– Вот она, вот! – Несговоров судорожно стиснул маленькую руку Даши. – За негром в сомбреро, одетая в лиловый бархат, видишь? Это она!

Девушка в лиловом встала рядом с другими на колени в тесный полукруг. В центре появился хромой старик в облачении повстанца. Он тоже штурмовал небо и чудом остался жив. И теперь, умудренный опытом, он снова зовет на бой. Старый израненный воин ищет поддержки у народа. Высоко подняв над головой большое ружье, он предлагает его склонившимся перед ним людям, поочередно обращаясь к каждому. Но все один за другим отворачиваются, стыдливо пряча лицо... И вдруг – распрямилась одна худенькая спина, гордо взметнулась пышная копна волос, раскрылись, подобно цветку, тонкие белые ладони, принимая оружие. Это была она, Маранта!..

Неистово отбивая себе ладоши вместе со всем поднявшимся залом, Несговоров не мог сдержать слезы. Артисты много раз выбегали и скрывались за занавесом, но Маранты среди них почему-то не было. Несговоров хлопал и хлопал, все еще надеясь ее увидеть, и стара-

тельно отворачивался от Даши, обращая лицо к люстре с подвесками, блиставшими в дрожащих лучах.

– Ты ее любишь? – зачем-то спросила Даша. И сама решила: – Любишь.

Чтобы не возвращаться старым путем, Даша придумала перелезть через барьер в пустую соседнюю ложу, откуда был нормальный выход, и скоро они влились в ручеек последних покидающих верхние ярусы зрителей. Встретиться и поговорить с Марантой Несговоров уже не надеялся. Наверное, она сразу уехала из театра: что-нибудь неотложное. Но его переполняло уже то, что он увидел ее наконец на сцене, во всем запредельном блеске ее таланта. У него не проходил озноб восторга от финальной сцены с ослепительным всплеском ее рук.

Когда в фойе Даша ткнула его в бок остреньким кулачком и сделала круглые глаза, он расценил это как приглашение одеться. И покорно принялся вертеться в тесноте, никак не попадая в рукав и невольно открывая всем на обозрение дырявую подкладку. Досадовал на Дашу: не дотерпела, пока вышли бы на улицу и там оделись на свободе, все-то ей надо как другие, вместе с толпой, особенно если это толпа чванливая, пышущая нахальством и немислимо дорогими парфюмами, от которых болит голова; прямо комильфо какое-то растет... Так он злился, колотясь в собственной дерюжке как в тенетах, – и вдруг обомлел.

В двух шагах спиной к нему стояла Маранта с большим букетом роз. Она успела переодеться, была теперь в черном свитере и широкой длинной клетчатой юбке. Ее обступали поклонники, которых она, по-видимому, хорошо знала. Прежде других бросалась в глаза низкорослая матрона в распахнутой норковой шубе, с крючковатым носом, глазами навывкате и багровыми налитыми щечками. Она вела себя самоуверенно, всех перебивала и оживленно жестикулировала. По правую руку от нее стояла моложавая дама средних лет (вначале Несговорову показалось – совсем молодая) с изумительно ухоженным сияющим лицом. Та поминутно прикасалась к Маранте, снимала с нее воображаемые пылинки, оглаживала, как будто это она ее вылепила и вот теперь наводит последний лоск. По левую руку – с благосклонной улыбкой прислушивался к разговору пожилой щеголь с чуть раскосыми жесткими глазами и широкими скулами, в смокинге, припудренный и напомаженный. За ним выделялся еще прифрантившийся бледный юнец с нелепо выпирающей на худосочной груди крахмальной манишкой... Впрочем, невозможно перечислить всех тех, кто беседовал с Марантой или просто стоял рядом, глядя восторженно или искательно. В образовавшуюся воронку втягивались все новые и новые лица, потому что многие в фойе ее узнавали и желали выразить свое восхищение.

Оказывается, дурманящий Несговорова аромат был *ее* ароматом. Оказывается, это *ее* друзья бросали неосторожные взгляды на его рваное пальто!

Даша, конечно, смотрела на Маранту во все глаза и с нетерпением ждала, что последует дальше. Что до Несговорова, ему больше всего хотелось незаметно исчезнуть. Хватило бы на сегодня впечатлений. Но он знал, что никогда не простит себе этого малодушия. И Даша ему не простит.

В порыве веселого отчаяния он растолкал толпу, наседавшую на Маранту сзади, и прикоснулся к ее локтю.

– Значит, вы все-таки попали на спектакль!

Маранта глядела на Несговорова с неподдельной радостью. Возможно, ее утомили дежурные комплименты всей этой лощеной команды. Так по крайней мере хотелось думать Несговорову. Матрона в шубе посторонилась на полступни и устремила на него снизу выразительно-недоуменный взгляд.

– Вам передали записку? – озабоченно пыталась Маранта.

– Разумеется! – соврал счастливый Несговоров. – Мы угнездились на самом верху, под куполом. Оттуда прекрасно видно. При входе, правда, возникла небольшая заминка... – Он подумал, что Маранта все равно что-то узнает от юноши в ермолке.

– Это вахтерша! – с нажимом произнесла Маранта, омрачившись. – Ее надо объезжать на козе.

– Мы так и сделали! – крикнула Даша.

– Да, мы примерно так и сделали, – подтвердил Несговоров и сам от смущения рассмеялся громче всех.

– Вы так и сделали, малышка, – повторила Маранта и легонько потрепала Дашу по щеке.

– Не такая уж она и малышка, – сказал Несговоров, просто чтобы что-то сказать. – Ей четырнадцатый пошел.

Повисла пауза. Несговоров заторопился:

– Нам пора домой. Простите. Маранта, мне очень нужно повидаться и поговорить с вами. Очень. Скажите, где и когда мы могли бы встретиться?

Он опять рискнул, протянул руку и молитвенно пожал ее локоть. Так легко, будто она улетала, а он невольно устремлялся ей вослед... Едва ли и дотронулся.

Но Маранта не услышала вопроса, отвернулась к прежним собеседникам. Из них только моложавая дама задержала на Несговорове взгляд и вдруг как-то особенно, ободряюще подморгнула ему, прижмурилась, как кошечка, с восхитительной улыбкой...

– Вот это жизнь! – выдохнула Даша на улице. – Каждый бы день так.

Через полчаса громяющий трамвай привез их к зданию Колледжа изящных и прикладных искусств, где Несговоров давал уроки рисования и где ему на чердаке студенческого общежития была предоставлена казенная жилплощадь.

Одолев последнюю за вечер лестницу, Даша с облегчением плюхнулась на кровать.

– Уф! – громко выдохнула она, стащив с себя верхние колготки и принимаясь за вторые, штопанные-перештопанные. – Как капуста. Сто одежек, и все без застежек.

– Согреть воды? – предложил Несговоров.

Кран был этажом ниже, в туалете, один на целый коридор общежития. Несговоров спулся туда с чистым ведром и после грел воду в комнате на плитке. Над другим ведром, помойным, Даша мылась и делала туда все, что ей было нужно. Несговоров с первого дня, как только она приехала к нему жить, запретил ей показываться внизу. Там всегда можно было застать примерно одну и ту же картину. Некто без штанов и в одном ботинке, но в пиджаке, лежал головой на унитазе, что-то мыча. Другой сидел под раковиной, прикрыв лицо окровавленной рукой. Этого Несговоров помнил: у него был чудной глаз, который чуть не в каждой пьяной драке вышибали, и молодец подолгу переживал свое горе, держа глаз в заскорузлой грязной горсти как яйцо, а затем как-то ухитрялся вправить его обратно. Унитаз был доверху забит бутылками и мусором. На полу разливалось содержимое отравленных желудков. Несговорова затошнило, он зажал нос пальцами и пошире открыл кран над ведром. Вмешиваться в эту жизнь, пытаться что-то изменить в ней было бессмысленно и небезопасно.

Пока грелась вода, подвесили на рейке простыню, выгородив для Даши интимный уголок. Эта же ширмочка защищала изголовье Дашиной постели от нервного мерцания неисправной лампы под потолком, при свете которой Несговоров работал по ночам. Самодельный мольберт стоял возле слухового оконца. Если дело шло бойко, Несговоров не считал часы и приходил в себя лишь тогда, когда в посеревшем стекле проступал угол соседней крыши с антенной. Тогда он укладывался счастливый и засыпал мгновенно...

Теперь его кровать занимала Даша, а себе Несговоров соорудил постель из деревянных ящиков, подобранных внизу возле магазина, накрыв их старым ватным одеялом. С приездом Даши работа пошла хуже, отвлекали заботы и посторонние мысли, но он тщательно это от нее скрывал.

– Прости, дядя Вадик, – тихо сказала Даша, когда Несговоров вернулся из туалета с другим, опорожненным ведром. От смущения она натянула одеяло под самый нос.

– Чего это ты вдруг? – Несговоров присел у нее в ногах. – Это я должен просить у тебя прощения, что все здесь так неудобно устроено. Ты ведь уже девушка. Знаешь ли ты, что такое девушка? Вообще-то она живой человек и делает то же, что и все. Моется, одевается и раздевается, писает... Прости. Ну, что тут такого? Конечно же писает! А еще чешется, если у нее где-то зачесалось. Но она всегда особенная. Часто девушка сама не сразу догадывается, что все, что она делает, – прекрасно. Даже то, что ей кажется стыдным. Каждая девушка живет в награду остальному миру, который смотрит на нее и радуется. Понимаешь ли ты это?..

Даша долго не отвечала, затем задумчиво спросила:

– Ты думаешь о ней?

– Я думаю о тебе, – сказал Несговоров. – Ну, о ней тоже. Обо всех.

– Скажи, Маранта живет в башне?

– Едва ли... Почему обязательно в башне? Откуда ты это взяла?

– Не знаю. Наверное, там живут самые красивые и счастливые. Почему мы такие бедные?

– Тебе хочется жить в башне?

– Хочется. И в театр хочется ходить по настоящим билетам, и колбасу каждый день есть...

И чтобы у мамы была такая же шуба, как у той расфуфыренной старухи. Видела бы ты, как она на тебя смотрела! Как будто ты ей на ногу наступил и стоишь там...

– Где стою?

– На ноге! На ногу наступил и стоишь там. Это у нас мальчишки в классе так шутили.

– Тебе жалко, что вашу школу закрыли?

– Не-а. Маму немножко жалко, и грустно без нее бывает, а так... Когда я в школу пойду? Мама считает, что в городе учиться лучше. Полезнее для карьеры, как она говорит. – Даша закончила фразу тихим смешком.

– Вот видишь! Здесь ты выучишься на артистку. Сошьешь себе лиловое платье, маме купишь шубу. Тебя станут узнавать на улицах...

– Ну ведь врешь, все врешь! Для этого надо талант иметь.

– Что ты знаешь про свои таланты! Вот запишем тебя в школу, попрошу Маранту, чтобы позанималась с тобой танцами, а там начнешь ходить в студию... Ведь при театре должна быть студия?..

Когда Даша заснула, Несговоров какое-то время еще сидел, глядел на ее лицо. Кожа серая, рыхлая. Толстоватый вздернутый нос с черными крапинами угрей. На крупных губах запеклась темная корка... Все эти безжалостные подробности бросились в глаза, потому что сердце жило Марантой. Ее лица, впрочем, он совсем не представлял, не мог бы набросать его даже приблизительно: какие у нее глаза, уши, нос... Куда проще было вспомнить бархатистые щеки и перламутровый ротик подмигнувшей ему кошечки. С той хоть сейчас пиши какую-нибудь «маркизу ангелов» – умную продувную бестию, умеющую ладить с простолюдинами и королями. Лицо Маранты, скорее всего, не было правильным и красивым в общепринятом смысле. Оно как будто вообще не имело очертаний. Оно все время куда-то исчезало, мерцало и таяло подобно утренней звезде. Несговоров изводил себя: как же он, профессионал, мог не отложить в памяти ни одной черточки, не подобрать, пускай машинально, никакого ключика к этому лицу, словно всякий раз, когда он видит Маранту, кто-то лишает его зрения?..

Ему сделалось совестно, что он рассматривает спящую Дашу в столь невыгодном свете и был, выходит, неискренен, расписывая ее лучезарное будущее. Конечно, бедность. Какое еще лицо можно нагулять, перебиваясь с черного хлеба на картошку? Жалко Дашу, она не виновата. Даже в той жадности, с какой она, нахватавшись пестрых городских впечатлений, хочет сразу иметь все, быть всем. Вот и сестра Шура, пославшая ее к Вадиму, бесхитростно жалуется в письмеце: «Моя жизнь пропащая, но, может, хоть дочурка выбьется в люди...»

Что значит – «выбиться в люди»? За кого она принимает родного брата? У Несговорова творческая профессия. Он бывает по-настоящему счастлив, когда работает. Работа дает какой-

никакой заработок и, например, вот эту комнату, где даже Дашу удалось приютить. А сегодня они с Дашей смогли попасть на самый модный спектакль и беседовали с гениальной актрисой. Не забыть бы написать об этом Шуре! Какое ему дело до тех, кто живет в башне?..

Картина, укрытая на мольберте от постороннего глаза, была далека от завершения. Замысел пришел во сне. Долгие годы, чуть не с детства, Несговоров пытался уяснить тайное напряжение жизни, из века в век протекающей в малоподвижных, усталых, нищих формах. Откуда исходит божественный зов и зачем между ним и человеком эта серая глухая стена? И вот однажды... Впрочем, Несговоров знал, что сны невозможно скопировать, рассказать или изобразить, они могут лишь послужить запалом, указать продуктивное приложение сил. Сон – величайший творец. Во сне все образы неизмеримо значительнее, чем оказываются по пробуждении, и сколько ни напрягай память, значительность их так и остается за семью печатями. Дело художника – попытаться воссоздать ее заново. Воплотить в наличных формах состояние инобытия. Все зависит от способности человека работать на пределе возможного, да еще от того, конечно, где поставлен ему этот незримый предел.

Но сюжет картины, сам-то голый сюжет был именно из сна.

Монастырский двор. Осеннее небо свинцовой тяжестью придавливает к земле и без того низкие, серые от дождя постройки. Деревца роняют последние листья. Посреди двора лужа, ее только что миновала запряженная парой лошадей бричка, оставляя на сырой земле глубокую колею. Колесо брички наехало на веточку молодой поросли – удивительно бодрую, всю в еще зеленых мокрых листьях, – вдавило ее в грязь. Раненная лоза с поврежденной корой и сорванными листьями напряглась, сопротивляясь смертоносной силе... А в глубине двора, в широком проеме кирпичных ворот, желтеет березовая аллея, уходя в бесконечную даль, и там, совсем уж далеко, – клочок ясного неба и солнечный луч.

Аллея была, конечно, средоточием и вершиной замысла. В ее легчайшем пламени суждено сгореть всем тягостям и болям брэнного мира с его сыростью, холодом, слякотью, чахлой растительностью, жалкими постройками, со всей этой непреодолимой бедностью, всем этим непрерывным умиранием...

Однако сейчас Несговорова больше всего занимала придавленная лоза. Он набрасывал на холсте ее отчаянный изгиб, затирали рисунок и снова набрасывал, стараясь придать ей больше упругости, воли к жизни, опять оставался недоволен и начинал с начала... Как показать, что лоза не хрупнула под железным ободом и не осталась навек кривой калеккой, что она вот-вот взмахнет верхушкой и выправится, а к весне зазеленеет, залечит раны, и с годами вырастет из нее прекрасное стройное дерево? Как изобразить колесо: взять момент, когда оно только-только пригнуло веточку, или когда уже отъехало, предоставив ей, поруганной, свободу выбора между жизнью и смертью?..

Ох уж эти колеса!

Несговоров отложил взятый для работы мелок, в глазах у него вдруг потемнело. Он опять представил сцену в фойе: как он униженно улыбался и врал Маранте, поддельваясь под общий тон, как смотрела на него с Дашей та компания. Атмосфера обаяния, которое излучали эти люди в присутствии Маранты, улетучилась, пелена спала. Несговоров увидел их всех другими глазами и заново услышал их дежурные комплименты, напыщенные бессмыслицы, сальные шутки. Маранте, конечно, с ними тошно. Они незаконно занимают возле Маранты его, Несговорова, место!..

В окне уже вызначивался угол соседней крыши с рогатиной антенны на краю.

Глава вторая.

Важная птица

Утром перед уроками Несговоров зашел в подвал к Щупатому.

В свое время они были однокашниками в академии. Но для Щупатого живопись находилась где-то далеко на периферии интересов; настоящим же его призванием было водить знакомства со знаменитостями, с людьми преуспевающими, в какой бы области те ни подвизались. В отличие от замкнутого, почти всегда поглощенного работой Несговорова он был, что называется, душой компании. На публике расцветал и мог балагурить безостановочно. Высокого роста, массивный, с заостренным кверху бритым черепом, покрытым прыщами и шишками, – Щупатый, однако, был на удивление слабохарактерен и отличался бабьей трусостью. Несговоров знал эту его слабость со студенческих лет: бывало, подтрунивал над ним, а то и негодовал, но чаще прощал, даже выгораживал перед другими, щадя самолюбие сокурсника. Когда Щупатого грубо толкали на улице, он поглубже втягивал голову в плечи. Когда при нем издевались над слабым или оскорбляли женщину, он багровел затылком и широкой шеей и, если рядом был свидетель, отделялся неуместной шуткой.

Щупатый полюбил Несговорова за его прямоту и терпимость: на нем подолгу можно было безнаказанно упражнять язык, потешаясь над его житейской невинностью и чувствуя во многих случаях полное свое превосходство. А Несговоров часто хотел порвать связи с несносным болтуном, но, не имея в городе других приятелей, через время снова шел к нему. Как-никак было у них и общее: образование, профессиональные интересы, свежие еще воспоминания о студенческих годах. К тому же имелась у Щупатого одна трогательная черта: он был мнителен, тяжело переживал настоящие и надуманные обиды и в одиночестве, когда некому было поплакаться, частенько вешал свой и без того отвислый нос, точно его глодала тайная забота или тоска.

В подвале колледжа, между котельной и прачечной, Щупатый открыл лавку. Торговал иконами, подсвечниками, матрешками, бросовым антиквариатом. Предприимчивые студенты иногда несли ему на продажу свои поделки. Аренда покрытого банной плесенью помещения обходилась дешево, потому что Щупатому удалось убедить директора, что лавка отвечает профилю учебного заведения и обеспечивает ему добавочную рекламу. В разговорах Щупатый любил строить проекты расширения своей лавки, создания при ней художественных мастерских, приглашал уже и Несговорова подрабатывать в будущих цехах, – однако покупателей от этого не прибавлялось. Строго говоря, их совсем не было. На что Щупатый содержал лавку и жил, оставалось его секретом.

Промаявшись ночь без сна, Несговоров надумал обратиться к Щупатому: не поможет ли напасть на след Маранты, раздобыть ее телефон? В богатой коллекции приятеля имелись, конечно, связи и в театральном мире...

– Все, завязываю! Начну продавать мужские трусы! – провозгласил Щупатый, обрадовавшись появлению живой души.

– Прогоришь, – предположил Несговоров. – Я уже лет пять не покупаю новых трусов, не на что. А наши студенты их совсем не носят. Лучше завези дамские вещицы: колготки, там, бюстгалтеры с силиконом...

Щупатый глянул подозрительно, словно ища подвоха, отвел глаза:

– В женском белье я не шибко разбираюсь. Ладно, это все пар...

Фразочку про пар Щупатый употреблял со студенческой скамьи. Молодые живописцы увлекались разным вздором, искали «новые формы». Немало экстравагантных открытий

и заявлений исходило от Несговорова. К нему прислушивались – среди однокашников он числился самым зрячим и мастеровитым. Однажды Несговоров имел неосторожность в узком кругу приятелей с присущей ему сдержанной убежденностью сказать, что краски – выдумка, на самом деле *красок в природе не существует*. Есть отражения, блики, окутывающий предметы пар, так или иначе преломляющий свет. Вам нравится пестрая прибрежная галька? Возьмите горсть и бросьте на солнцепек подальше от воды: через пять минут вы уже не сможете отличить один камешек от другого. Вам нравится яркий блеск молодой зелени? Попробуйте лишить деревце воды, и через пару недель увидите, из чего состоял этот блеск...

Над ним, конечно, подтрунивали. А Щупатый взял в привычку к месту и не к месту повторять: «Это все пар».

– Маранту знаешь? – напрямик спросил его Несговоров.

Щупатый наморщил лоб:

– Что это? Цветок?..

– Не что, а кто. Она танцует в театре. Ведущие партии.

Щупатый почесал бритый затылок.

– Земляк, в театре такой актрисы нет и никогда не было. Даю голову на отсечение.

– Ты, видать, потерял квалификацию. Стареешь.

Несговоров отшутился, но ему стало жутковато. Почти как вчера, когда он был уже готов поверить, что Маранта – мистификация, никакой Маранты и в помине нет. Вчера у него еще не было доказательств. Познакомился в трамвае с девушкой, она представилась актрисой, пригласила на спектакль... Мало ли обаятельных авантюристок! Но сегодня все по-другому.

– Вчера я видел ее на сцене собственными глазами и разговаривал с ней после спектакля в фойе. Может, это псевдоним?

– Да нету там таких, ни имен, ни псевдонимов, говорю тебе, не-ту! – обиженно возразил Щупатый. – И вообще, – он понизил голос, – новый директор театра – русский человек. Ну совсем русский! У него теперь все Маши, Вари, Анфисы. Понимаешь? Была певица Эмма фон Шницель, теперь она Маша Коноплева. Была вахтерша Сарра Ицковна Шмыг (кстати, злющая как собака!), теперь ее величают Софья Ивановна. Только со скрипачами пока сложно: народ ну никак не может поверить, что какой-нибудь Архип Матвеевич умеет так же ловко водить смычком, как Арнольд Моисеевич!

Когда Щупатый хохмил, разобраться, где доля правды, а где чистая выдумка, было непросто.

– Твоя-то Маранта – русская? – уточнил Щупатый с сомнением.

Несговоров изумился простоте вопроса, который самому ему даже не приходил в голову, а язык его уже произвольно бормотал в ответ:

– Конечно. То есть... Нет. Едва ли.

– Еврейка? Татарка? Кто?

– Кто?.. Могу точно сказать, что не японка. И не из экваториальной Африки. Хотя, впрочем...

– С тобой все ясно. Ладно, я поспрашиваю. У меня новость. По-моему, хорошая, а ты суди сам. Знаешь Асмолевского? С нами учился.

– Белокрысый, пухлощекий такой? – вспомнил Несговоров. – Который не смог одолеть первого курса?

– Тихо ты! «Пухлощекий», «не смог одолеть»... Ты еще попку его опиши. Правильно, он в шоу-бизнес подался, выставки там устраивать и все такое... Знаешь, где он теперь? – Щупатый выпучил глаза и перешел на многозначительный шепот с придыханием: – Его назначили секретарем! Самого губернатора!

– Вон что. На звонки отвечает?

– Сам ты...

Щупатый отвернулся, давая понять, что разговаривать ему с таким не о чем. Но долго не выдержал:

– Губернатор – старик, ты понял? В любой день может сыграть в ящик. Этим пользуется совет. Уже сейчас они без него решают половину дел. А в совете сам знаешь, кто заседает... Сейчас губернатору как никогда нужны толковые люди! Иначе все рухнет. С чем были, с тем и останемся. Свой, можно сказать, брат-художник во власть прошел, а он – «звонки»!

– Я в этом ничего не смыслю, – признался Несговоров.

– А в своей жизни смыслишь? Может, хочешь, чтобы Кудряшов взял верх? В совете у него теперь большинство. Если они скинут губернатора, всем хана, я тебе точно говорю! Первым делом свободную торговлю прикроют.

В городе существовало два больших политических стана. Один поддерживал губернатора с его администрацией, другой стоял за совет, возглавляемый городским головой Кудряшовым. Представителей второго стана оппоненты презрительно окрестили «кудряшовцами». Несговоров не видел большой разницы между теми и другими. Даже две газеты, выходившие в городе, имели похожие названия: администрация издавала «Губернскую новь», совет – «Новый город». Обе систематически нападали на противников, обвиняя их в коррупции, лжи, злоупотреблении властью, подготовке переворота и т.п., взваливая на них вину за все беды горожан. Когда «Новый город» сообщал, что престарелому губернатору не повинуются даже собственные ноги и его каждое утро вносят в кабинет два дюжих прапорщика из охраны, «Губернская новь» немедленно откликнулась подробным описанием роскошной квартиры городского головы и перечнем его зарубежных вояжей. Когда газета Кудряшова вскрывала махинации губернатора с недвижимостью (по одной из версий, губернатор владел напрямую и через подставных лиц десятками лучших зданий, включая башню), «Губернская новь» печатала размытую фотокопию договора, якобы заключенного городским головой с известным сектантом-террористом, пустившим в расход по всей земле кучу народа, о предоставлении секте для проповедей (как предполагалось, за солидную взятку) местного эфира. Самое же занятное, что никаких последствий газетные разоблачения не имели. Обменявшись очередной серией ударов, непримиримые враги на время затихали, а вместе с ними успокаивался и весь город.

Как большинство горожан, Несговоров успел к этому привыкнуть и перестал читать газеты. Он не доверял ни тем, ни другим. По его убеждению, политики преследовали свои цели, их личные победы и поражения не имели никакого отношения к тому, что принято называть народным благосостоянием. Заурядные, жалкие люди, они путем разнообразных ухищрений и обмана пытались расположить к себе или подмять толпу, которая их кормила, но при этом обречены были жить как на вулкане или, лучше сказать, как на пароходе с перегретым котлом: когда повсюду стоит рев и треск, приходится бросать свои делишки и кидаться открывать предохранительные клапаны. Трудно было серьезно относиться к амбициям и потасовкам политических игроков, но сама их суета давала надежду, что они в какой-то мере еще зависят от опоры под ногами, в какой-то мере признают неустойчивость своего положения, а значит, все может измениться...

– Чего лыбишься, думаешь, если я ничего не наторговал, так мне и терять нечего? – ворчал Щупатый. – Погоди, тебя тоже достанут! Свободный художник для них первый враг. Все за колючкой сидеть будем. – От расстройства он шмыгнул большим носом.

Последние дни весь город жил ожиданием неприятностей. Люди делались все настороженнее и угрюмее, ловили и передавали друг другу мрачные слухи. Несговорова это удивляло: да может ли быть хуже, чем есть? – но, с другой стороны, ему тоже хотелось узнать, что же готовится за стенами башни и резиденции губернатора.

Щупатый как будто угадал его желание.

– Сегодня Асмолевский собирает у себя дома узкий круг. Все свои, ля-ля – ля-ля. Будет делиться первыми впечатлениями: какая там, вообще, обстановка, какие возможности... Это не шуточки, положение очень серьезное. Я приглашен. Могу и тебя, как собрата по оружию, прихватить. Купи гусара!

Гусар был деревянный, в расписном ментике и с непропорционально большим органом между ног на шарнире. Нажмешь рычажок за спиной – орган подпрыгивает...

– Когда ты успел так близко с ним сойтись? – спросил Несговоров, машинально играя рычажком.

И снова Щупатый бросил на него и на щелкающую в его руках игрушку подозрительный взгляд, но ничего кроме простодушного любопытства не заметив, рубанул сурово:

– Ты ведь с нами, к кудряшовцам не переметнулся еще?

После занятий со студентами Несговоров отправился в центр города, чтобы навести справки насчет Дашиной учебы. По пути завернул к театру. На афише возле парадного крыльца вчерашним днем значилось:

«ВСТАВАЙТЕ, ВСТАВАЙТЕ!..»

**Гала-представление с участием звезд балетной сцены
и призеров Международного конкурса танцевальных коллективов народов
Крайнего Севера в Гвадалахаре.**

Постановщик —

Академик Ханты-Мансийской Академии Народных Танцев,

Вице-Президент Всемирного Конгресса Народов Крыма

МАРАТ КОЗЛОВ

Зачем одаренные танцоры народов Крайнего Севера съезжались в далекую знойную Гвадалахару? Если Щупатый прав и Маранта не штатная актриса театра, получается, что она – из них?..

В конторе с мудреным названием Несговорову удалось узнать, что Дашу не примут в школу, пока у нее не будет городской прописки, то есть, выражаясь по-научному, регистрации по новому месту жительства. А как оформить регистрацию? Оказалось, для этого нужны: справка о закрытии школы по месту прежнего жительства Даши; заявление от матери, что она не возражает против проживания малолетней дочери с дядей, с заверенной нотариусом подписью; справка о том, что Несговоров является ближайшим из Дашиных родственников, проживающим в местности, где функционируют школы; справки из наркологического, туберкулезного, психо-неврологического и кожно-венерологического диспансеров о том, что Несговоров не состоит там на учете; характеристика с места работы Несговорова; справка о проверке жилищных условий, с учетом недавно принятых городским советом санитарных норм; выписка из домовой книги; справка о том, что указанное жилье не предназначено к сносу, выданная Департаментом неплановой застройки; свидетельство, подтверждающее родственные отношения Несговорова и Даши; наконец, заявление самого Несговорова с приложенной к нему квитанцией об уплате пошлины за регистрацию. Размера пошлины никто в конторе не знал, а домыслы были самые фантастические. Кроме того, ему не гарантировали, что этим список необходимых бумаг исчерпывается, и для уточнения посоветовали обратиться в паспортный стол. Несговоров, у которого голова пошла кругом, решил начать с самого простого и по дороге заскочил в нотариальную контору: узнать, как засвидетельствовать степень родства. За десятку ему сообщили, что нотариус подобные свидетельства не выдает; тот факт, что Несговоров действительно является родным дядей Даши, может быть зафиксирован только в определении суда, куда и следует обращаться с иском об установлении родства; процедура

эта не быстрая и займет не один год, потому что суды завалены делами. Последовавшая пауза и кислое лицо информатора вынудили Несговорова расстаться еще с одной купюрой. В результате он узнал, что, поскольку в данном случае родственной связи Несговорова с Дашей никто не оспаривает, вполне достаточным может оказаться письменного заявления самого Несговорова с приложенными к нему заверенными копиями: а) собственного свидетельства о рождении; б) свидетельства о рождении Даши; в) свидетельства о рождении ее матери, из которого будет видно, что она является родной сестрой Несговорова, поскольку у них общие родители. Указанные копии – конечно, при наличии подлинников – он, нотариус, готов заверить своей подписью и печатью тотчас после оплаты по установленному тарифу. А сколько стоит заверить одну копию?.. Услышав ответ, Несговоров повернулся и вышел, стараясь не обнаружить своих чувств.

Дома ждала голодная Даша, и он решил отложить посещение паспортного стола на потом. Похоже, спешить было некуда, требовалось обдумать ситуацию на свежую голову и поискать нешаблонные ходы.

За обедом Несговоров обмолвился Даше о вечернем визите к большому чиновнику. А чтобы она не просилась с ним и не капризничала, добавил строго, что ее зачисление в школу – дело непростое, и сегодня он как раз попробует об этом похлопотать.

Щупатый привел Несговорова к солидному дому в одном из тихих переулков центральной части города, в двух-трех кварталах от театральной площади: с полуколоннами, тяжелой лепниной на фасаде и каменными трубами по углам крыши. Зашли в парадную дверь, по широкой лестнице с чугунными перилами поднялись на второй этаж, где была квартира Асмолевского.

– Почему не живете в башне? – осмелился спросить Несговоров, когда Щупатый представил его хозяину и пробормотал что-то о былом студенческом братстве.

– А там холодно! – быстро нашелся Асмолевский, уже интонацией давая понять, насколько равнодушен он к этому овеянному легендами и завистливыми слухами месту. – Плохо топят, все казенное, неуютно как-то... Да и компания, честно говоря, мне не по душе.

Со студенческой поры он мало изменился: тот же вздернутый лоснящийся носик на круглом лице, та же светленькая пушистая шевелюра... Разве что пополнил и раздался, стал осаннее.

– Если вы меня спросите, как можно сегодня всех накормить, одеть и обуть, я вам честно отвечу: не знаю, – тихо, но отчетливо и выразительно заговорил Асмолевский, когда гости угомонились и расселись полукругом на заранее приготовленных стульях. – Где поселить бездомных – не знаю. Как упрятать в тюрьму головорезов, откуда взять лекарства для больных, на какие средства учить детей читать и писать – не знаю, не знаю, не знаю. И никто не знает. Спросите губернатора, он вам ответит то же самое: не знаю!

Никто из присутствующих, вероятно, не мог ни о чем спросить губернатора, уже больше года на публике не показывавшегося, это было исключительной привилегией личного секретаря, поэтому слушали, раскрыв рты.

– Значит ли это, что надо оставить все как есть и сидеть сложа руки? – продолжил Асмолевский. – Не значит. И теперь я открою вам государственную тайну.

На губах у него заиграла многозначительная усмешка. Гости переглянулись и тоже заулыбались.

– Да, это большой секрет, но ваш покорный слуга его разгадал. У нас все плохо. У нас ничего нет. Но вот мы с вами сидим здесь, почему-то живые, и беседуем. А когда выйдем на улицу – убедимся, что по ней тоже ходят живые люди. Те самые, которых давно не лечат, не учат, которым не платят зарплату. Почти у каждого из них дома есть холодильник, а в нем продукты. Откуда? Вот она, государственная тайна, на которую все закрывают

глаза. Почему бы не поучиться у наших горожан, не взять их частную экономику за основу при разработке, положим, городского бюджета? Вместо того чтобы критиковать все и вся, давайте спросим у них, у вас, у себя: как мы ухитряемся выживать?

Кто-то зааплодировал. Раздумывавшийся Асмолевский торжествующе перебежал быстрыми глазками от слушателя к слушателю. Несговоров жадно прищурился: ему захотелось немедленно взяться за портрет самоупоенного мальчика в светлых кудряшках на фоне голубой стены, этакого перезрелого Мики Морозова... Но Асмолевского портила его усмешка: ядовитая, высокомерно-снисходительная, наводившая на мысль о болезненной жестокости ее обладателя.

– Чтобы этому учиться, все-таки нужны, наверное, какие-то кадровые перемены, обновление власти? – хрипловато подсказала рослая рыжая девушка с тяжелым подбородком, в которой Несговоров признал местную телеведущую.

– Ваш покорный слуга ходит в чиновниках вторую неделю. Вы полагаете, пора менять? – отпарировал Асмолевский.

Некоторые опять захолопали, засмеялись.

– А если серьезно – если серьезно! – то я не революционер. Я сторонник эволюционного развития. Сегодня очень легко завоевать популярность, собирая вокруг себя недовольных. Таких, с позволения сказать, политиков немало в совете. Я к их числу не принадлежу. Если вы присмотритесь внимательно к нашему народу, то заметите, что он по натуре очень консервативен. И это хорошо, в этом наше счастье. Народу нужен безусловный авторитет, которому он готов довериться целиком. На небесах это Бог. В семье – отец. Если мы начнем разрушать авторитет отца, каков бы он ни был, мы взамен не обретем другого. Это невозможно биологически. То же и с гражданской властью. Я за то, чтобы власть была для народа священна, лучше всего – чтобы передавалась по наследству. Мужики нужен царь-батюшка. Сегодня главная задача – защитить от нападков действующего губернатора, дать ему возможность достойно завершить свое правление. Если он стар, нездоров – заметьте, я этого не утверждаю – нужно помочь ему подобрать дельную команду, выбрать преемника... Но пора, кажется, переходить к закуске.

Под хлопки и одобрительный гул Асмолевский встал, скромно поклонился, давая понять, что деловая часть закончена, и широким жестом пригласил гостей к столу с бутербродами, накрытому в соседней комнате.

– Ты понял? – шепнул Несговорову Шупатый, жадно сметая со стола куски и высматривая глазами, чего он еще не попробовал. – Умница! Если ему дадут развернуться – мы спасены.

Компания подобралась разных возрастов, большей частью богемная, одетая с нарочитой небрежностью, но стильно. Несговоров потолкался в тесноте с надкушенным пирожком, желая присоединиться к беседующим, но разговоры, долетавшие до его ушей, были все какие-то странные. В одном месте спорили, как надо склонять: «бомжом» или «бомжем»? Рыжая телеведущая утверждала, что «бомжом» звучит энергичнее, а заодно отбивает противный запах, неизбежно ассоциирующийся с этим понятием. В другом вели речь о благородстве, и толстячок с брюзгливо отвислой губой доказывал, что настоящего аристократа можно распознать только на поле для гольфа. В третьем шла ученая дискуссия: рахитичный человек с безволосой головой и бесцветными выпуклыми глазами обвинял народ в циничном безверии, ссылаясь на поговорку «На тебе, боже, что мне не гоже», а сутулый очкарик в мешковатом джемпере возражал, что поговорка подразумевает отнюдь не Господа, но убогого человека, бедняка, которого в старину так и звали: небога...

Обмен короткими репликами на периферии четвертого кружка заставил Несговорова насторожиться.

– Где его нашли? – спросил кто-то.

– В подвале театра! – ответили ему.

Здесь в центре внимания была перевозбужденная девушка с рыхлым мучнистым лицом и большой грудью, в голубой широкополой шляпке с бантом. Нервно теребя свои тяжелые бусы, она вещала певучим голосом:

– ...Просто подходит и говорит: «Кайся! Кайся, грешная душа!..» Он всех видит насквозь, кто в чем виноват перед Богом. Папа вообще всегда верит в справедливость. Такой добрый, мухи не обидит. Всем готов помочь. Нет, правда, только его христианская душа... Два года на «лендровер» собирал, во всем себе отказывал! Когда машину угнали, мы с мамой говорим: надо что-то делать, заявить куда следует, пускай ищут? А он: ничего не надо. Я знаю, кто украл, но преследовать его не буду. Вор должен сам раскаяться и вернуть украденное, иначе ему будет очень плохо. Он сторит в аду. Я не могу обречь грешную душу на такие муки. Представляете? Вора пожалел! А ведь у него у самого сердце больное. Когда он волнуется, когда страдает за кого-нибудь, то всегда напоминает мне самых наших святых-пресвятых, ну, старцев православных: бородища вот такая черная, глаза горят огнем...

– Простите, – робко вмешался Несговоров, пораженный странными совпадениями. – Вы не напомните отчество... Отчество вашего папы?

– Отчество? – удивленно переспросила девушка. – Его зовут Тимофей Павлович.

– Павлович! Павлыч... Я встречал человека, по вашему описанию похожего на него... Нельзя ли узнать, где работает ваш папа?

– Все знают, что папа работает в театре, вы один этого не знаете! – грубо бросила ему девушка, вспыхнув, и снова продолжила свой рассказ. – Нет, правда, Бог все видит, только неблагодарные могут усомниться... Всего-то две недели прошло! Через две недели того вора... То, что осталось от него... Обнаружили... Ой, я не могу больше. Папа видел, прямо не знаю, как его сердце выдержало!

Девушка понизила голос до шепота и произнесла коротенькую фразу, после которой расслышавшие дружно ахнули. Кое-кто перекрестился. А другие кинулись друг друга спрашивать:

– Где, где? В башне?..

– На кухне? – неосторожно уточнил Несговоров, занятый своими мыслями. – Я про вашего папу. Он на кухне работает?

Девушка закатила глаза, изображая отчаяние.

– Господи, какое все это имеет значение? – с укором произнесла за спиной Несговорова пожилая женщина, вздохнув. – Христианин – он и в рубище христианин...

– Чего ему надо? Да кто он, вообще? Мент, что ли? – зашикали другие. – Не обращай на него внимания, продолжай! Псих какой-то... – Слушателей прибавлялось, подошел и Асмолевский.

– Да! – взвизгнула рассказчица в истерике. – Да, он работает в театральном ресторане! Вы это хотели услышать? Вам стало легче?

Из глаз девушки брызнули слезы. Ее обступили плотным кольцом, утешая и успокаивая. На Несговорова оглядывались как на варвара и душегуба. А она, захлебываясь, бормотала:

– Нет... Нет, правда... Есть высшая... справедливость... Кто живет по-христиански... Им всегда... воздастся...

– А я бы здесь отступил от буквы христианских заповедей, – деликатно, но веско вмешался хозяин дома. – Мы никогда не станем сильными, не заслужим благодарности потомков, если каленым железом не выжжем нигилизм по отношению к частной собственности. Поверьте, я не кровожаден, но за воровство начал бы рубить руки, как это делается на Востоке. Пока до каждого не дойдет: пусть у меня много домов, а ты живешь на улице; пусть у меня каждый день на столе, ну, не знаю, устрицы там и черная икра, а у тебя куска хлеба нет, – это все мое, а не твое, и ты трогать это не смей!

Воинственная тирада была встречена одобрительно. Рассказчица благодарно кивала Асмолевскому, размазывая по щекам слезы с тушью.

Несговоров не смог сдержаться:

– У вас просто средневековые какое-то в голове, так нельзя, – сказал он. – Люди и без того одичали от бедности. У каждого должна быть возможность жить нормально.

– Неравенство заложено в самой природе, – резко возразил Асмолевский, не достаивая Несговорова даже поворотом головы.

Щупатый вдвинул между ними свое массивное тело, пытаясь загасить спор.

– Стойте, я усек! Вадим хочет сказать, что те мужики, которые остались, ну, совсем без ничего, что им все до лампочки, они наших проповедей слушать не станут...

– Да мы ведь не уговаривать будем, – решительно отрезал Асмолевский.

– Короче, так. – Щупатый тряс головой, больше полагаясь на жесты и мимику, чем на слова. – Сколько за нищим ни присматривай, он все равно булку сопрет. Да, Вадим?

– Неправда, я не это хотел сказать, – заупрямился Несговоров. – Много и таких, кто будет с голоду пухнуть, а чужого не возьмет. Но есть неравенство, с которым человек, уважающий элементарные приличия, никак не может мириться.

– Вот как? – язвительно спросил Асмолевский. – Какое же?

Несговоров понимал, что ни у кого здесь не найдет сочувствия, но и отступить уже не мог.

– У меня есть маленькая племянница Даша, – издали начал он. – Вчера она заявила, что хочет стать актрисой, танцевать на сцене.

– А почему бы ей, в самом деле, не стать актрисой? – перебил Асмолевский под аккомпанемент хмыканья, нетерпеливого покашливания и смешков.

– А потому, что мама ее живет в селе, где недавно закрыли последнюю школу, – сказал Несговоров. – Не ахти какая школа была, полтора учителя, но теперь и той нет. А ела Даша с младенчества картошку да капусту. Носила, что мама сошьет. Теперь допустим, что у нее талант. Я этого не утверждаю, но исключать такой возможности нельзя. Выдержит ли она конкуренцию с ребенком, который рос в большом городе в семье состоятельных родителей, посещал балетные, музыкальные, художественные классы, занимался с репетиторами? Про качество питания, про бытовые условия я уже не говорю... Да будь такой ребенок трижды бездарью, он все равно обойдет мою Дашу на экзаменах, займет ее место, даже если через год ему придется менять профессию и становиться каким-нибудь... секретарем.

Несговоров не хотел задевать Асмолевского, это вышло нечаянно.

– Насколько я понимаю, лично вы судьбой не обижены, ваше место никто не занял, – процедил Асмолевский сквозь зубы. – Вот и хорошо. Значит, вы спокойно выслушаете то, что я вам сейчас скажу. Так уж повелось, что в семье артиста рождается артист, в семье банкира – банкир, в семье генерала – генерал, в семье землепашца – землепашец. Нарботанные поколениями навыки передаются из рода в род. И слава Богу. Не нами заведено. Делать из крестьянина художника – занятие накладное. Кто был ничем, тот не станет всем. Он так ничем и останется. Вам это может сколько угодно не нравиться, но как правило, повторяю, *как правило* это так. Нужны очень веские основания, чтобы стать исключением из правила. Боюсь, у нас с вами таких оснований не было. Но я постарался как мог исправить свою ошибку. Дело за вами.

Оскорбительный смысл концовки поняли только Несговоров да Щупатый.

– Кстати, – продолжил с усмешечкой Асмолевский, желая потешить публику. – Чего ради вы допытывались у девушки, кем работает ее отец? Что, компания не подходит? Голубая кровь выиграла?..

Несговорову хватило ума не отвечать. Ему пришло в голову, что оттачивать политическую риторику на живых людях так же преступно, как испытывать на них новые вакцины. Мечты и фантазии художника могут быть ложны, даже аморальны, но он в них верит, проверяет их вначале на себе. Политик же, преследуя интересы сугубо эгоистические, сразу плетет паутину для других, сам оставаясь в стороне...

Расходясь, гости сторонились Несговорова как зачумленного. На прощанье каждый говорил Асмолевскому что-нибудь приятное. Экзальтированная дочь мясника бросилась ему на шею и сочно расцеловала в обе щеки. Щупатый, чувствуя себя виноватым, пытался развлечь какой-то байкой про медведя и зайца. А рыжая дылда с лошадиной челюстью воскликнула:

– Так в башне правда холодно? В башне?! В апартаментах советников?

– Они сами этого добились, – охотно пояснил Асмолевский. – Сокращали-сокращали бюджет, вот и досокращались. Теперь угля не хватает. Дед распорядился остудить их горячие головы, поддержать котельную башни на голодном пайке, пока в детских садах не будет жарко как в Африке! Грозился лично пойти проверить, раздеться до трусов, хе-хе...

– Чую, будет драчка, – возбужденно сказала кобылка, раздувая ноздри. – Можете на нас рассчитывать. Желаю удачи!

Внизу на лестнице Несговорова нагнал Щупатый.

– Земляк, – произнес он с осуждением, – ты же отрезаешь себе все пути!

– Какие еще пути! – буркнул Несговоров. – Мои пути проходят далеко отсюда. Тошно, пойдем на воздух.

– погоди. – Щупатый силой уволок его в тень под лестницу. – Ты, это... В чем-то, наверное, прав. Но тебе хоть понравилось здесь? Не жалеешь, что побывал?..

Он был явно не в себе и болтал что попало, нервно следя за лестницей.

– Не дергайся, подождем... Мы с тобой разговариваем, верно? Остальное все пар. Просто остановились поговорить...

Когда за последним гостем захлопнулась дверь подъезда, сказал с облегчением:

– Все! Кстати, я кое-что узнал про эту... Как ее? Ну, про твою танцовщицу. Сейчас мне надо к Асмолевскому, завтра расскажу.

– Куда ты? Все уже разошлись!

– Извини. Мне надо с ним объясниться... Тебя это не касается. У нас свои дела.

В ту ночь Несговорову снилось, что он рисует орла. Птица гордо расправила одно крыло в полный профиль, какой изображают на чеканных гербах, а второе – обвисло от плеча, свесилось лохмотьями прелой тряпицы, и оттуда, из-под рванины, выглядывало что-то цепкое и когтистое: не то лишняя нога, не то выросшая вместо крыла птичья ручонка... Несговоров как раз прорисовывал жесткий чешуйчатый панцирь уродливой конечности, кончики пальцев с приплюснутыми, как будто обкусанными когтями, когда вошел отец – прямо с огорода, с лопатой и в перепачканных землях сапогах.

Во сне Несговоров, конечно, знал, что отец давно умер, поэтому несказанно обрадовался его возвращению, кинулся навстречу и обнял его.

– Некрещеный ты, вот и лезет в голову всякая дурь, – сказал отец, с отвращением глядя на когтистую лапу вместо крыла. – Креститься надо. Не то изведешь всех женихов, как Асмодей.

«Он перепутал меня с Асмолевским!» – догадался Несговоров.

– Бог всегда со мной, а церковь не для меня, – ответил он отцу, немного красуясь. – Церковь в современном мире – это карьера, деньги, политика. Один из легких путей наверх. Лев Толстой увидел это раньше многих. Именно оттого он так ненавистен церковникам.

Несговоров был доволен гладкостью своей речи, но отец почему-то омрачился, покачал головой и сказал:

– Сильного противника легче одолеть, играя в одни ворота.

«То есть надо стать Асмолевским?» – принялся расшифровывать Несговоров, потому что слова отца сразу, еще до пробуждения, показались ему загадочными.

Тут Толстой (а это оказался не отец, а сам Лев Толстой с длинной седой бородой) рассердился, крепко зажмурился и со страшной силой ударил в пол лопатой!..

Стены дрогнули. Зазвенели стекла. Еще не вполне проснувшись, Несговоров подскочил на своих ящиках и кинулся к окошку – поглядеть, что случилось.

Над соседним домом завис кран с чугунной болванкой на длинном тросе. Стрела качнулась в одну, в другую сторону, болванка отошла от стены, и – бум!.. Треск, обвал, столб пыли.

Рушили учебный корпус колледжа, где еще вчера Несговоров давал уроки.

Глава третья.

Чу Ду Свет

Только к обеду завхоз колледжа, истратив весь наличный запас крепких слов, уговорил крановщика остановить работу. Директор находился в Швейцарии по делам Фонда помощи голодающим художникам; его заместитель лежал с воспалением легких; остальные сотрудники были потрясены не меньше Несговорова и пытались наводить справки. Крановщик, успевший развалить полдома, ссылаясь на прораба, тот – на распоряжение начальника стройуправления; последний, когда до него все-таки дозвонились, отослал еще выше, к руководителю Департамента неплановой застройки Негробову. Чиновник такого ранга был недоступен, но строгая секретарша из администрации уверенно сказала в трубку, что все делается в соответствии с Генеральным планом реконструкции города, утвержденным губернатором еще два года назад.

В учебной части царил паника. Машинистки, секретари и лаборанты выносили из полуразрушенного здания казенный скарб. Несговоров с Дашей принялись им помогать. Временно все складировали в подвале общежития, где находилась лавка Щупатого. К удивлению Несговорова, Щупатый не объявлялся, его дверь была на замке. Скоро подходы к ней забаррикадировали столами и стульями, гряда которых высилась до потолка.

После работы, побивав с одежды известку и пыль, Несговоров отвел Дашу домой, принес ей воды, наказав сварить на ужин картошки, а сам отправился на разведку к театру. Никакого особенного плана у него не было. Просто Несговорова влекло место, где он испытал мгновения счастья и где можно было, теоретически, повстречать Маранту или хотя бы разузнать о ней. Тоска по Маранте заглушала все тревоги и невзгоды. Не так беспокоила даже опасность остаться без работы, хотя кто-то из сотрудников и высказал предположение, что колледж теперь закроют.

Что собирался открыть ему Щупатый? Зачем он с таким таинственным и озабоченным видом вернулся вчера к Асмолевскому? Где гуляет сегодня, когда разгром вот-вот коснется его лавки? У Несговорова уже мелькали нехорошие мысли. В последнее время в городе шло много разговоров о покушениях на предпринимателей. Не больно удачливый купец был Щупатый, но кто знает, из-за каких грошей нынче могут убить человека.

Несговоров побродил перед театром под остро хлещущей снежной крупой. Башня на другой стороне площади была почти неразличима сквозь пургу, светились только три больших окна на втором этаже. В театральной кассе еще томился народ, и Несговоров зашел туда погреться. Ему взбрело на ум спросить, не ожидается ли в скором времени повтор спектакля «Вставайте, вставайте!» в постановке Марата Козлова. У окошечка стояла одна-единственная театралка (остальные то ли кого-то ждали, назначив тут встречу, то ли тоже грелись, для вида рассматривая афиши), и Несговоров пристроился за ней.

Прошло немало времени, но его очередь не наступала. Старуха в потертой кроличьей дохе, с выбившимися из-под платка буклями, все хрипела в окошко что-то невнятное, угрожающе жестикулируя. Кассирша поводила округленными глазами, время от времени в ужасе обхватывала руками голову и молча шевелила губами, как будто насылая на голову старухи тайные проклятия. Несговоров ей сочувствовал, он сам уже взмок от мучительного гортанного хрипа с нутряными бульканьями.

– Вы позволите мне задать один вопрос? – взмолился, наконец, он.

Старуха даже не обернулась, все так же показывая Несговорову отвислое ухо и скулу, заросшие седой шерстью, но при этом исхитрилась больно ткнуть острым локтем ему под ребро.

Можно бы уйти, спросить позже, а то и вовсе не спрашивать: в развешанных по стенам анонсах на месяц вперед спектакля не значилось, и кассирша едва ли могла что-то к этому добавить, – но тут до Несговорова начала доходить суть. Оказывается, старуха не ссорилась с кассиршей, не спорила с ней и не угрожала, а вела мирную беседу.

– На кладбище не ходите, там все отравлено, – хрипела она. – И пруд отравлен. Как начнет таять, все понесет сюда. Не знаю, что мы пить весной будем. Не знаю.

Женщина за стеклом снова округляла глаза и неслышно для Несговорова шевелила губами.

– Об этом я слышу впервые, – обиженно отвечала старуха. – Мне говорили, что разлили цистерну с ядом... Впервые об этом слышу от вас. Колледж? Колледж изящного искусства?

– Его разнесли по кирпичику! – подхватил давно прислушивавшийся к разговору юркий человечек с портфелем и при галстукке. – Я сегодня как раз там проезжал...

– Подождите, гражданин! – цыкнула на него старуха, прижимая ухо к окошку и продолжая ловить немое повествование кассирши. – Так. И что нашли?.. Разобрали колледж изящного искусства, – громко повторила она для тех, кто стоял по эту сторону. – Нашли большой склад отравляющих... Боевых?.. Да, боевых отравляющих веществ.

– Я так и знал! – чуть не подпрыгнул от радости человечек. – Там стояла толпа!..

– Тише вы! Заговор?.. А кто догадался?.. У секретаря?.. Ах, бедный мальчик! – И снова добросовестно перевела: – К секретарю губернатора вчера подослали убийцу, какого-то художника из колледжа. Сегодня собирались отравить весь город. Секретарь при смерти... Что?.. Я и говорю, тяжело ранен. Но ему удалось сообщить про заговор. Склад обезврежен. Заговорщиков арестовали? Нет еще?.. Заговорщики успели скрыться.

– Сбежали! – Человечек в отчаянии всплеснул рукой, звонко ударив себя по худому бедру. – У нас никогда не могут поймать!

– Все!.. Конец реформам, – пыхтел одышливый, крепко пахнущий потом толстяк, успевший пристроиться за Несговоровым и агрессивно теснивший его своим животом. – Снова будем кудряшовские щи лаптем хлебать.

– А как их разглядишь, этих художников от слова «худо»? – захрипела старуха. – Вон, у меня за спиной стоит, толкается. Поди разбери, кто он! И в суд и куда хочешь бумажку принесет, что он ангел небесный!..

Человек пять-шесть, что находились в тот момент в тесном помещении кассы, разом оглянулись.

Несговорков придал себе беспечный вид и медленно, боком, от всех отвернувшись, как будто целиком поглощенный афишами на стене, двинулся к выходу. Ведь именно он был тем художником, что побывал вчера у Асмолевского! Люди в кассе, сами того не подозревая, говорили про него!

Он уже не мог разобраться, что из сказанного было правдой, а что – нагромождением бессмыслиц. Отравленное кладбище. Покушение на Асмолевского. Разрушенное здание колледжа. Если бы еще вчера его попросили разложить эти слухи по степени достоверности, он раньше всего отмел бы последний как несусветную дичь. Сегодня он знал, что как раз это не вызывает сомнений. А внезапность и рвение, с какими начали ломать колледж? А безуспешные поиски заказчика? Только сейчас он догадался, что тут не обошлось без участия секретных служб. Обычные городские службы давно разучились работать. Похоже, кому-то очень могущественному срочно понадобилось что-то найти именно в этом месте. Например, замурованный в стены склад отравляющих веществ. Такие желания, как правило, исполняются. А дальше? Их же хранили не просто так, собирались использовать? Значит, заговор?

И как же не быть в нем замешанным преподавателю колледжа, учинившему вчера скандал у Асмолевского? Вот еще один невероятный посыл в бредовой цепочке: чтобы он, Несговоров, попал на вечер к секретарю губернатора, да еще ввязался там в спор! – и как раз его-то снова пришлось признать свершившимся фактом.

Если и ранение Асмолевского подтвердится (запнулся на ковре или кухонным ножом порезался – мало ли!), тогда все сходится. Несговоров и есть тот, кого разыскивают органы при заинтересованной поддержке всего населения.

Поражала интуиция гадкой старухи, спиной почуявшей врага. Еще немного настойчивости с ее стороны – и она станет героем дня, первая раскроет громкое преступление!

Логически добравшись до этой точки, Несговоров раздумал читать последнюю, ближнюю к двери афишу и стремглав вылетел на улицу. И как раз в этот миг его ослепило, отпечатавшись на сетчатке и в мозгу, голубыми типографскими буквами начертанное: «МАРАНТА». Только бумажный фон плывущей в глазах афиши был почему-то не белым, а черным... На крыльце он сморгнул, но слово опять появилось перед глазами во всех подробностях своего шрифтового облика. Такое не могло почудиться. Выходит, заветное имя действительно значилось на крайней афише, которую он до сих пор просто не замечал?

Вернуться и немедленно в этом удостовериться у него не хватило мужества.

По мере удаления от театра страх перед кучкой сдуревших обывателей уступал место другому, более жуткому, почти мистическому страху, вызванному запутанной провокацией, в центре которой он оказался. Что за силы тут действовали, какую цель преследовали? Уничтожить его, Несговорова? Смешно. Для этого совсем не нужно пригонять кран и рушить колледж, распускать по городу слухи, делать массу других глупых и дорогостоящих вещей. Достаточно нанять за бутылку безработного парня, чтобы подстеречь вечером у подъезда с кирпичом в руке. Нынче на такое дело можно совратить полгорода. Скорее всего, Несговорова заделали походя, целясь по иной, более масштабной мишени. Директор колледжа с его швейцарскими связями? Он был одним из отцов-основателей Фонда помощи голодающим художникам в Лозанне. Какие деньги там крутятся и на что расходуются, никто не знал. Во всяком случае, Несговоров не получал от этого загадочного Фонда ни копейки. Почему же именно его?..

Несговоров шел напрямик к дому Асмолевского. Раненый или невредимый, живой или мертвый – Асмолевский был теперь для него единственным ключом, способным разомкнуть (или бесповоротно замкнуть) загадочную цепь. Без овладения этим ключом нельзя было решить, что делать дальше: скрываться или опровергать слухи, добиваться где-то правды или продолжать жить так, будто ничего не случилось?

Он уже стоял на парадном крыльце и тянул руку к двери, когда та с треском распахнулась от пинка, едва не стукнув его по лбу, и наружу вывалился, негромко чертыхаясь, массивный человек с голой матово сверкавшей под фонарем головой.

Это был Щупатый.

– Что, со вчерашнего дня дежуришь? – неприязненно бросил он, увидев Несговорова.

– Колледж разрушен, – пробормотал Несговоров от неожиданности. – Твоя лавка завалена мебелью...

– Вот как? – издевался Щупатый. – А ты здесь, конечно, только для того, чтобы рассказать мне об этом?

– Вообще-то я шел к Асмолевскому, – ответил Несговоров, немного придя в себя и взявшись за ручку двери.

– Ты куда? Стой! – Щупатый испуганно схватил его за рукав. – К нему нельзя, он... отдыхает.

– Ты его видел?

– Хм! – произнес Щупатый. – Лучше б мне его не видеть.

– В городе ходят слухи, что на Асмолевского совершено покушение...

– Ну, конечно. Он совсем маленький мальчик. Нехороший дядя насильничал. Щупатый опустил голову и нервно ковырял снег носком сапога.

– Так он в порядке? – с нажимом спросил Несговоров.

– Слушай, хватит! Если тебе поручили шпионить, иди и доноси. Только не надо вот этого... Не надо из меня жилы тянуть!

Щупатый круто повернулся и пропал в сумеречной мгле.

После его ухода Несговоров раздумал подниматься в квартиру. Вконец замороженный, он поплелся к трамвайной остановке, но тут мозги его точно ошпарило: ведь он был не единственным художником из колледжа, побывавшим у Асмолевского! Щупатый тоже художник (по крайней мере, имеет диплом) и тоже из колледжа! И более того: владеет в колледже складским помещением, где может хранить все что вздумается! К тому же именно он был официально приглашен к Асмолевскому, внесен, наверное, в какие-то списки, а Несговоров оказался там совершенно случайно. Щупатый служил разгадкой этой истории от начала до конца. И как иначе объяснить его странное поведение вчера, когда он прятался от уходящих гостей и напускал туману про какие-то особые отношения? А сегодняшний срыв, весь этот бред, который он нес?..

Он боится доноса! Это он покушался на Асмолевского. Вчера? И того увезли в больницу? А теперь Щупатый, подобно герою Достоевского, не утерпел и пришел поглазеть на место преступления, так, что ли? Или легко раненный Асмолевский лежит дома (вот что значит «отдыхает»!), и Щупатый навестил его в надежде как-то замять дело? Или он, как другой герой Достоевского, тайно провел эти сутки *рядом с трупом жертвы*?..

Эк куда хватил! Если *тайно*, откуда же театральная кассирша все знает?

Так или иначе, появление на сцене Щупатого переводило действие в иной, более высокий жанр. Сколь бы изощренной, даже кровавой ни была провокация, она всегда остается фарсом. Новый же поворот дела наводил на мысль о трагедии.

Щупатый – и покушение на убийство? Несговоров встряхнул головой. Ему захотелось поскорее добраться домой и уснуть, чтобы покончить с кошмарами этого дня. По сравнению с ними даже утренний сон про орла с одним крылом казался невинным, как детская сказка...

Дашина занавесочка была уже прищеплена и расправлена, плотно закрывала угол. Но Даша не спала, сидела посреди комнаты на старом клеенчатом стуле и вертела в руках не то цветные стеклышки, не то леденцы. Когда Несговоров вошел, она этого занятия не бросила, явно желая привлечь к своим предметам внимание.

– Что там у тебя? – через силу спросил Несговоров, не желая огорчать девочку.

– Чу Ду Свет. – Даша играла в загадки.

– А! – сказал Несговоров, слепо уставившись в раскрытый со вчерашней ночи холст.

– Это такой камешек, который светится изнутри, как цветной фонарик, – продолжила Даша. – Можно и на себе носить, и просто любоваться.

– Где ты это взяла?

– Маранта подарила.

Несговоров обернулся к ней с укором, но встретил вполне невинный робкий взгляд и только покачал головой.

– Ты ужинала? – спросил он.

– Когда же наконец я смогу поговорить с вами? – бормотала Даша, разговаривая то ли с собой, то ли с новыми игрушками. – Сажу на стуле в холодной комнате, лампа гудит, картошка давно остыла, в руках Чу Ду Свет, а где-то красавица, которую мы ждем. Долго переодевается, слишком долго! Думаю, она просто прячется...

Получился целый монолог, печальный и трогательный, как мольба. Несговоров вспомнил ее пятилетней, когда он студентом приезжал к Шуре в гости: Даша, сидя на полу, любила вот так же разговаривать с куклами... Что-то с ней произошло в эти часы, пока его не было дома.

Несговоров подошел, чтобы потрогать Дашин лоб. И тут впервые близко разглядел игрушки. Это были серьги, судя по всему – старинные. Большие желтоватые камешки, оправленные в серебро, действительно излучали из глубины таинственный матовый свет.

– Откуда это у тебя? – снова спросил Несговоров.

– Говорю же тебе, Маранта дала.

– Она была здесь?! – В этот раз он почти поверил.

– Была.

Даша ответила так безыскусно, что сомнений не осталось.

– И ты... – Несговоров задохнулся и не знал, что сказать. – Ты не уговорила ее задержаться, подождать меня? Не сказала, что я повсюду ее разыскиваю? Ты!.. Когда тебе самой что-то надо, ты очень даже умеешь настаивать! Бессовестная! Бессовестная и неблагодарная!..

– Неправда! – крикнула Даша.

– Неправда! – повторил следом другой голос, от которого Несговоров застыл на месте.

Откинув занавеску, стояла перед ним улыбающаяся Маранта.

– Я не собиралась прятаться и подслушивать, – извинилась она. – Просто случилась маленькая авария с моим нарядом, понадобились иголка с ниткой, а тут как раз вошли вы, и нам с Дашей пришлось прибегнуть к конспирации...

Несговоров потерялся от смущения и стыда. Его постель на ящиках была включена, утром в суете он ее не заправил. И какие ветхие, желтые простыни, боже! И какие здесь, наверное, запахи! Они-то с Дашей не замечают, притерпелись... Несговоров метался из угла в угол, не зная, за что хвататься.

– Дядя Вадик! – остановила его Даша. – Мы еще не пили чаю. Ждали тебя.

– На это можно смотреть? – спросила Маранта про картину. – Я знаю, художники не любят показывать незаконченные вещи. Посторонний взгляд иссушает и расколдовывает замысел... Простите, что вторглась к вам в дом без разрешения. Но, если уж я здесь, мне трудно ослепнуть и не увидеть самое главное. Тогда лучше уберите, поверните к стене, закройте чем-нибудь... Правда можно?

– Это безобразно? – пересохшим языком спросил Несговоров, чувствуя, как по спине бегут мурашки, подступая к самому затылку.

– Безобразно? Надо очень постараться, чтобы заслужить такой сильный отзыв...

Маранта подняла на полотно трепетный взор и тут же опустила. Выдержала паузу.

– Это прекрасно. Мне требуется немного собраться... Чтобы не сглазить... Вот так. Теперь можно. Люди в большинстве своем вампиры, крадут чужую силу. Поэтому они так ценят художников, ведь те ничего не берегут для себя, все без остатка отдают любому, кто пожелает взять. Творение художника – самая легкая и сладкая пожива. Приходится учиться ограничивать себя в обжорстве. Хотя бы для того, чтобы не пресекалось творчество. Но не только. Мне страшно думать, что я питаюсь чьими-то живыми соками...

– Я тоже вампир, – сказал Несговоров. – Последние два дня я жил только вашим спектаклем. На свете нет другой актрисы, которая может дать столько, сколько вы... За один миг, одним жестом!..

Несговоров зажмурился, стыдясь подступивших слез и пытаясь вогнать их назад. Настоящая, живая Маранта стояла совсем близко, придя к нему сама, а он, то ли не веря счастью, то ли не зная, что с ним делать, все переживал свои мечты о ней.

– Я взял тогда все, что смог, – признался он. – И опять возьму, если повезет. У меня не хватит сил отказаться.

– Березы начинают опадать снизу, – сказала Маранта, чересчур старательно разглядывая деревце на полотне. Щеки ее порозовели. – К концу осени остаются только мелкие листочки на макушке. Легкое, плавно возносящееся пламя...

– Вы любите огонь?

– Я не люблю огонь. – Она перевела на него серьезные иссиня-черные глаза. – С огнем у меня связаны тяжелые воспоминания. Он убивает. Но это, к сожалению, единственная достойная форма жизни.

– Вашей жизни, – уточнил Несговоров. – Я понял это, когда увидел, как вы протянули руки к оружию.

– Жизни вообще, – возразила Маранта. – Не прозябания, не выживания, а жизни. Дело не в оружии, мне совсем не хочется из него палить...

– Но существует тот предел, за которым это становится неизбежным? Именно так я понял вас на сцене. Предел отчаяния, унижения и...

– Страх, наверное? За оружие берутся от страха. И всегда найдутся доброхоты, готовые протянуть вам ружье.

– Значит, достойнее склонить голову и отдаться на милость победителя?

– Смотря кто этот победитель, – загадочно сказала Маранта. – В любом случае есть крайняя возможность – распорядиться собственной жизнью.

– Что же остается для пламени? Может быть, возмездие?

– Возмездие? – задумчиво переспросила Маранта. Опустив глаза, покачала головой как будто в недоумении. – Я этого не понимаю...

– Во всем виноват Марат Козлов, – нескладно пошутил Несговоров, пытаюсь хоть как-то вывести беседу из темного тупика. Ему казалось, что Маранта говорит на особом языке, который он еще не освоил или освоил не вполне. Это были не столько речь, сколько выражение глаз, лица, рук, всего тела, значимость позы и напряжение отдельных мускулов, даже поток излучаемого кожей тепла. За всем этим открывалась бездна невыразимых никакой речью состояний. Несговоров не привык балансировать над пропастью и не выдержал. И сразу каким-то шестым или седьмым чувством ощутил, что совершил непоправимую оплошность. Вдруг лопнула незримая ниточка, которая только-только протянулась между ним и Марантой.

Маранта не сделалась от этого менее прекрасной и остроумной, ей самой даже стало как будто легче, но что-то в ней закрылось. Она вновь обернулась той великолепной Марантой, какую они с Дашей встретили в фойе.

– Да, режиссер вполне оправдывает свое имя, – весело согласилась она, словно подстраиваясь под тон Несговорова. – Я бы только отстригла на афише его фамилию.

– Кстати об афише: там значились танцевальные коллективы... Ведь вы не в труппе театра? Когда я пытался наводить справки, мне сказали, что вы в театре не работаете, да? ... народов Крайнего Севера. Мне ничего другого не оставалось, как методом исключения причислить вас...

– К самоедам? Как вы догадливы! Конечно же, я примчалась на оленях...

– Из Ханты-Мансийского округа! Кстати, чем он так уж близок Марату Козлову?

– А там бьют нефтяные фонтаны. Значит, и денежки водятся...

– Ну а Крым?

– В Крыму теплее. Северяне любят тепло.

– Но вы-то попали...

– В Гвадалаху! Прямо из Ханты-Мансийского округа! Эй-хоп!..

Все, не исключая и Дашу, весело над этим смеялись.

Несговоров вскипятит воду, заварил и разлил чай. Маранте досталась самая надежная, Дашина чашка с чуть обколотым краешком. Даша на сей раз пила из дядиного треснутого бокала без ручки, а Несговоров – из стеклянной банки.

– Здесь холодно. Вам надо поставить буржуйку, – заботливо сказала Маранта.

– Вы полагаете, этот чердак заслуживает того, чтобы его обогревать? – спросил Несговоров, горько усмехнувшись.

– Но вы-то с Дашей заслуживаете того, чтобы жить в тепле! Верно, Доротея?

Новое имя Даше явно понравилось.

– В городе топить нечем, – сказала по-деревенски сметливая девочка.

– У меня много книг разных эстетов и пижонов, с дарственными надписями. Они больше ни на что не годятся. Я привезу их вам на тележке. Полагаю, у меня есть право распоряжаться непрошеными дарами по своему вкусу.

– Спасибо. Но ведь у нас пока нет печки! – возразил Несговоров.

– Вот так все в жизни становится неразрешимым, оттого что люди запускают процессы замкнутого круга, – сказала Маранта с уморительной серьезностью. – Вы понастроили много заборов. Чтобы сходить напиться к ближнему колодцу, вам приходится несколько раз обойти вокруг дома и еще завернуть в амбар. Там вы обнаруживаете, что до нового урожая вам может не хватить хлеба, и впадаете в отчаяние. Но какое отношение имеет все это к вашей сиюминутной жажде?

– Все верно. Такими же окольными путями нам с Дашей приходится удовлетворять и некоторые другие желания, – грубовато пошутил Несговоров, немного обидевшись на Маранту. – Боюсь только, что заборы эти не внутри меня, а вокруг. Вчера, например, я пытался выяснить, как записать Дашу в школу. Чтобы только перечислить все бумажки, которые для этого нужны, понадобился бы целый вечер. А сегодня...

Несговоров запнулся, колеблясь, нужно ли рассказывать Маранте про уходящий безумный день, начиная с разрушения колледжа и кончая истерикой Щупатого. Можно ли вообще описать такое словами?

– Сегодня вы носили мебель, – досказала за него Маранта. – Это ведь очень серьезно, вы можете лишиться работы? Сейчас работу найти непросто... С Доротеей как-нибудь разберемся. Сразу отправить ее на учебу в Англию, может, и не получится, но в городе надо выбрать самое-самое... Между прочим, когда вы подошли в фойе, меня как раз познакомили с одной влиятельной чиновницей. Департамент мимики и жеста губернатора – так это, кажется, теперь называется... Да, приходится и с ними иметь дело.

– Я убедился, что от этой публики следует держаться подальше, – высокомерно сказал Несговоров, не столько подразумевая свои неприятности после знакомства с Асмолевским, сколько чтобы кольнуть Маранту. Он понял, что она с ним внутренне распрощалась и надела привычную маску, и его самолюбие от этого страдало.

– Надеюсь вас переубедить, когда она поможет со школой, – сухомерно заметила Маранта.

– Старуха в шубе? – с любопытством уточнила Даша.

– Нет, милая, другая. Дама в шубе тоже из нелюбимых твоим дядей чиновниц, но я вторую говорила.

– Как, та молодая женщина, что с вас пылинки сдувала?.. – удивился в свою очередь Несговоров. В его голове начальственный пост никак не складывался с образом холеной киски, пославшей ему игривую ужимку.

Вероятно, проявлять в присутствии Маранты интерес к другой женщине было с его стороны немного бестактно. Даша почувствовала это своей взрослой душой и глянула на дядю с осуждением.

– Все не молодая, – заявила она. – У нее щеки висят.

– Пусть пока побудет молодой, а там разберемся, – мягко возразила Даше Маранта. – Ведь по первому впечатлению мы запоминаем самое важное, правда? Я не специалист в создании портрета, дядя объяснит тебе лучше, – Маранта осторожно кинула на Несговорова, как ему почудилось, очень теплый взгляд, отчего сердце его взбодрилось, – но мне кажется, все начинается именно с мимолетного образа, с крупных черт. Так угадываешь главное в характере человека и не впадаешь в шаблон. А если сразу начать с дряблых щек – как потом отличишь одну женщину от другой?..

Опустив задумчивый взгляд на свои узкие ладони с длинными тонкими пальцами, добавила:

– Да, еще руки! Пожилые актрисы, играя молодых, всегда прячут руки. Они выдают возраст.

Когда Маранта уходила, грациозно осыпая хозяев благодарностями, Несговорову пришло в голову, что в их отношениях за этот волшебный вечер ничего не изменилось! Она оставалась все такой же недоступной, словно драгоценная статуя под колпаком из бронированного стекла, и уносила с собой все свои тайны, не оставив даже адреса.

– Я найду вас сама. У нас теперь много общих дел. Дашина школа... Только не надо меня провожать. Пожалуйста!

– Вечером на улице опасно.

– У меня же есть большое ружье! Серьезно, я умею выходить из трудных ситуаций. Улица в этом отношении не самое безнадежное место... Слышите? Еще трамваи ходят! А вы говорите.

– Ну хотя бы до остановки!..

– Нет. Пожалуйста, не надо.

– До выхода! На лестнице темно, пьяные валяются, можно упасть...

Когда в полной темноте за дверь она доверчиво взяла его под руку, Несговоров почувствовал, как у него затряслись коленки. Озноб шел по всему телу, и он ничего не мог с этим поделать. Они спускались медленно, плечом к плечу, и Несговорова вдруг обдал запах ее волос. Это был не аромат парфюмерии, просто натуральный запах густых женских волос, до того крепкий и сладкий, что у него помутилось в голове. Будто куда-то проваливаясь с каждой очередной ступенькой, он осознал помраченным разумом и всем своим существом, что Маранта – первая и единственная в его жизни настоящая женщина.

– Я не могу отпустить вас, – прошептал он на нижней площадке, приблизившись к лицу Маранты настолько, что кожей ощутил жар ее щеки.

– Даше надо спать, – прошептала в ответ Маранта. – Она без вас не ляжет. Да и вам пора. Укладывайтесь. Завтра будет трудный день...

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Если вы пойдете со мной, мы больше никогда не увидимся.

– Я вас найду, подстерегу возле театра! – тихо засмеялся счастливый Несговоров, решившийся, наконец, ее обнять...

– Нет!

Его руки обхватили черную пустоту. Маранта на какую-то долю секунды опередила его движение и ускользнула. В сером проеме открытой на заснеженную ночную улицу двери показался в последний раз ее силуэт и донеслись слова:

– Возвращайтесь к себе. Да не споткнитесь о какого-нибудь подгулявшего студента!..

Полночи Даша слушала, как Несговоров кряхтел и ворочался на ящиках, иногда в такт своим мыслям причмокивая сухим ртом, как будто сожалел об утраченном. Наконец, не выдержала, по-женски тяжело вздохнула и села на кровати.

– Ты не спишь? – спросил Несговоров виновато. – Это я тебе мешаю. Хороший был вечер, да? Иногда только неловкость какая-то возникала. Вот я и пытаюсь разобраться: что было не так? Как ты думаешь, я правильно себя вел?..

Даша опять шумно вздохнула.

– Старомодный ты, дядя Вадик. Как из позапрошлого века. А так, все путем.

– А Маранта? Она, по-твоему, еще придет к нам?

– Придет. Куда денется!..

Глава четвертая.

Визит в башню

Утром их разбудил настойчивый стук. За дверью слышались громкие голоса, один из которых Несговоров сразу узнал.

– Отворяйте, жилец! – кричал завхоз колледжа Аршак Манвелович Бабулян.

Первая мысль была: вероятно, обнаружили труп Асмолевского и теперь ведут дознание. Одновременно родилась другая, более утешительная версия: по всему колледжу ищут отравляющие вещества.

Второпах Несговоров натянул только брюки и повернул ключ.

С завхозом вошли двое. Один – необычайно громоздкий молодой человек с большим животом, в обуви никак не меньше сорок шестого размера. Несмотря на его медвежью комплекцию, на нем ладно сидел дорогой свободно сшитый костюм с иголочки. Другой был немолод, потрепан жизнью, в заношенном пиджачке и перекрученном засаленном галстуке.

– Муссолини решил эту проблему быстро, – продолжал досказывать своим спутникам Аршак Манвелович, не обращая внимания на открывшего им дверь Несговорова. – Приходят, допустим, к одному торгашу, спрашивают: знаешь такого-то? Ну, к примеру, дона Альфонсо? (Там рэкетиров донами прозывают.) Тот, понятно, боится выдавать. Не знаю, отвечает. Бац его! К другому: знаешь дона Альфонсо? Нет. Бац! К третьему, и так далее. Обходят одного за другим, пока не заставят очередного признаться: знаю, обирает он меня! И тогда уж идут с уликами к дону Альфонсо и берут его под белы ручки...

– Бац – это как: по морде или мочили? – с любопытством спросил толстяк.

– Ну, это... В общем, послали к праотцам.

– Круто!

– А ты что, был там? – вдруг истошно заорал потрепанный господин.

– Чего-чего?..

– Жил, говорю, при Муссолини? Нет! А зачем врешь?

Довольный своей выходкой, он вразвалочку двинулся к окну, бесцеремонно пихнув ногой мольберт. Толстяк начал осматриваться, заметил в углу Дашино ведро, вопросительно глянул с высоты своего роста на низенького Аршака Манвеловича. Тот молча развел руками и воздел очи к небу. Даша испуганно выглядывала из-за занавески, завернувшись по самый подбородок в одеяло.

Потрепанный господин успел тем временем осмотреть раму, ткнуть кулаком в стену и попрыгать на полу.

– Видите? – сказал он толстяку. – Половицы ходят!

После чего заинтересовался и картиной, поддел прокуренным ногтем свежую краску. Понюхал, сморщился, брезгливо обтер палец о холст и зачем-то снова колупнул, окончательно прикончив лозу, чья будущность так волновала Несговорова.

– Вы, наверное, образованный человек? – налетел он, наконец, на жильца, словно впервые его заметив.

Растерянный, все еще без рубахи, озябший, – Несговоров столбом стоял посреди комнаты и ничего не понимал.

– Читать-писать умеет! – шутливо ответил за него Аршак Манвелович, подмигивая Несговорову из-за спины толстяка.

– Как же вы, образованный человек, можете жить в таких, извините меня, скотских условиях? Ходить, извините меня, под себя?.. – продолжал потрепанный господин. Похоже, внезап-

ность и натиск были его излюбленными приемами. – К тому же вы не один. Все прелести вашей жизни делит юная особа. Неужели перед ней-то не стыдно? Нет, я тебя как мужик мужика спрашиваю: не стыдно, а?.. Будем выселять! – заключил он, поворачиваясь к толстяку.

– Чердак ни к черту не годится, – флегматично подтвердил тот. – Аварийное состояние.

– Все видим, все знаем, – со вздохом сказал Аршак Манвелович. – А что поделаешь? Вадим Несговоров, можно сказать, наша гордость, талант, все академии прошел. Смотрите, как малюет! Телега-то будто живая катится. Честно, Вадим батькович, такой красивой телеги я у тебя еще не видывал!.. Ну негде ему больше жить, негде.

– Вздрючить тебя мало за это! – заорал потрепанный господин. – А если я сюда пожарников приведу?

– Художник в такой комнатухе... – сказал толстяк с сомнением. – Как-то несолидно.

– Вот-вот! – подхватил потрепанный господин. – Если он академик, как ты говоришь, ему тем более нужна приличная квартира. Не знаю, кем приходится твоему академику эта юная леди, кхе-кхе, но в ее нежном возрасте неплохо бы иметь и мягкую постельку, и теплый душик, и спальню отдельную!

– Нам и так хорошо! – недоверчиво возразила с постели Даша.

– А мы милая, сделаем между вашими спальнями потайную дверцу! Когда захочешь, войдешь и все такое. Или академик сам к тебе ночью придет!

– Что он такое говорит? – Несговоров очнулся. – Аршак Манвелович, кто эти люди? Зачем вы привели их в нашу комнату?

– Какая же это комната? – уклончиво ответил завхоз. – Так, нежилое помещение чердачного типа. Мы вас и селить-то тут не имели права... – Прикрывшись ладонью, шепнул: – Сам Негробов пожаловал. А это, – указал глазами на потрепанного господина, – Кудакин, ихний юрисконсульт. – Смышленный армянин сам был явно озадачен и что-то про себя лихорадочно просчитывал.

Негробов заскучал и широко звнул. А Кудакин не унимался:

– Мы хотим, голова ты садовая, хоть и академик, чтобы вы жили по-людски! Вот здесь разместятся две ваши спальни. Просторные, светлые, с мансардными окнами. Знаешь, что такое мансардные окна? Самый шик! Лежишь, а над тобой облака плывут. При каждой спальне – джакузи, туалет, биде. Юной леди придется по вкусу. Шведская сантехника. А? Этажом ниже пойдут холл, гостиная, столовая, кухня, сауна...

– Никакой сауны! – решительно прервал Негробов.

– Вот, Николай Николаевич против. Хочет построить одну на всех в подвале. А я обычно так говорю: общая баня – все равно что общая баба. Иной раз, может, и неплохо ее в компании... Под водочку с пивком... Но без своей-то отдельной тоже не проживешь. Согласен, академик? Кхе-кхе-кхе-кхе... – Кудакин зашелся в хриплом кашле и полез в карман за куревом.

– Ниже этажом у меня студенты, – на всякий случай напомнил Аршак Манвелович. – Друг на друге спят, по трое на одной койке.

– Во как! – восхитился Кудакин, пуская дым в лицо Несговорову. – Мы студентами много куролесили, но такого что-то не припомню. Короче, академик: через какой-нибудь год...

– Через два, – лениво бросил Негробов.

– Вот пессимист! Ладно, через полтора года вы будете иметь удовольствие жить в новой элитной квартире. Ну, как перспектива? Нравится? О! Вижу, у дамы уже горят глазки...

Дашу волновало совсем другое. Болтовню кривляки Кудакина она оценила не по годам трезво. Но ей со сна приспичило, она зажималась и с нетерпением ждала, когда уйдут непрошенные гости.

– Думаете, у него хватит на вашу элитную? – Аршак Манвелович выразительно шелестел в воздухе пальцами.

Кудакин бросил на холст пронзительный взгляд, плюнул на пол и растер ногой.

– Хоть бы девок рисовал, что ли, – с досадой пробурчал он. – Академик...

Негробов фыркнул:

– Как там было при Муссолини?.. «Нэт человека – нэт проблемы!»

– Зима все-таки, – промямлил Аршак Манвелович. – Если бы город помог...

– Город?! – взвился Кудакин. – Ты хоть газеты читай иногда! Вот, я как раз захватил...

Слушай: «Последним распоряжением губернатора отменено постановление городского совета номер такой-то...» Это как раз по жилью... Так... «Перед горожанином поставлен жесткий выбор. Кто до сих пор надеется на бесплатное жилье, тот окажется, фигурально выражаясь, на свалке истории. А фактически – на городской свалке, куда стекаются отбросы общества. Другая возможность – покупать жилье по коммерческим ценам. В городе разворачивается программа строительства элитных квартир. Конечно, они будут не дешевыми. Но квартиры такого уровня, такого класса просто не могут стоить дешево!» Подпись: «Асмолевский, личный секретарь губернатора». Так-то!

– Значит, говорите, закрывают нас? – раздумчиво промолвил Аршак Манвелович. – А ну как вернется директор, поужинает с губернатором – и дело назад раскрутится?

– Не вернется, – уверенно сказал Негробов. – Нечего ему тут больше делать. Все с собой увез.

Помолчали.

– И кто же я теперь, по-вашему? Начальник подвала? – спросил Аршак Манвелович удрученно.

– А мы тебе о чем толкуем? – сказал Негробов.

– С какой стороны, как говорится, фортуна подол задерет! – задиристо вставил Кудакин. – Так-то, Муссолини.

– Понятливые завхозы на дороге не валяются, – подвел итог Негробов, направившись к двери.

За ним и Кудакин с Бабуляном.

Тут Несговоров вспомнил о справке, которую надо было взять у завхоза для Дашиного устройства, и кинулся следом.

Выслушав на пороге сбивчивую просьбу, Аршак Манвелович окинул Несговорова долгим взором с поволокой.

– Занятный ты парень, – сказал он. – Ладно, дам тебе один совет. Беги в башню и пробивайся на прием к самому Кудряшову. Только к нему! Заготовь бумагу. Сейчас он любую бумагу подпишет, его дни сочтены.

– Он что... тоже при смерти? – ошарашенно спросил Несговоров, вспомнив почему-то про Асмолевского.

– Его скоро скинут, дурья ты башка, и он это знает. Да просьбу с умом составь!

– Значит, сразу просить о том, чтобы Дашу приняли в школу?..

– Проси, умоляй, ползай на коленях, чтоб тебе дали другой чердак вместо этого или хоть землянку какую! – прорычал озверевший от его тупости Аршак Манвелович и громко хлопнул дверь.

Под веселое журчанье за занавесочкой Несговоров начал сочинять прошение. Скоро к нему присоединилась Даша. С ней дело пошло куда бойчей; как ни странно, в этом жанре Даша чувствовала себя увереннее дяди и подсказывала самые звонкие формулировки – в школе она была отличницей по русскому. Не забыли упомянуть про Дашину мечту стать актрисой и про несговоровское незаконченное полотно, которому, быть может, суждено перевернуть сознание соотечественников, настроить их на совестливые размышления, терпеливый труд, уважение к родной земле, вселить в людей уверенность в грядущем дне...

В подвале Щупатый, чертыхаясь, освобождал от старой мебели проход к своей лавчонке. Заметив на лестнице Несговорова, нарочно громко возопил:

– Кто придумал сгрудить этот хлам возле моего магазина? Кудряшовцы вонючие! Вздохнуть не дают.

– Никто не хотел тебе навредить, просто не нашлось другого места, – откликнулся сверху Несговоров.

Щупатый сделал вид, что только что его увидел.

– Ты куда, не в башню ли собрался?

– Как ты узнал? В башню, – честно ответил Несговоров.

– Иди, иди, доноси. Недолго вам праздновать осталось!..

Трамвай был забит людьми с мешками, коробками, ведрами, огромными сумками – все рваное или грязное, плохо увязанное, дурно пахнущее, с торчащими лохмотьями. По улице подслеповатые старики и старухи волочили за собой тяжело нагруженные тележки, то и дело наезжая на Несговорова колесами. Только на площади он вспомнил: базарный четверг! В обычные дни возле обклеенного пестрыми объявлениями дощатого забора, тянувшегося от театра до самой прокуратуры, торговали семечками и водкой три-четыре бабы в ватниках да пара смуглолицых черноусых молодцов с увядшими цветами и замерзшими фруктами. Эти как-то ладили со стражами порядка; всех прочих гнали постовые. Но в четверг ограничения снимались, и на площадь стекалось поутру чуть не полгорода. Кто шел продавать, кто – делать покупки. На ящиках – подобных тем, из каких Несговоров соорудил себе постель – выкладывали пиво и газировку, сигареты, вяленую рыбу с запашком, кости с обрезками мяса, огромного размера бюстгальтеры и трусы, вязаные носки, пляжные туфли, свиные головы с копытами для холодца и прочее; а подальше, за «чистыми» рядами, каждый желающий выставлял прямо на снегу то, что находил дома или просто снимал с себя: линялые кальсоны, туфли с оторванной подошвой, крышку от унитаза, пожелтевшее блюдо с трещиной, бывшие в употреблении пеленки, моток ржавой проволоки, учебник по морскому праву, дверцу от холодильника, пару ржавых петель... Продавали отслужившее срок, дотлевающее, последнее. Дрались за лучшие торговые места, новичков оттесняли к обочине.

Несговоров с трудом пробился сквозь рыночную толпу к башне. Фасадную часть здания, обращенную к театру, занимали кабинеты советников и другие служебные помещения, а в пристроенном с тыла жилым корпусе размещались роскошные, по слухам, квартиры городских начальников. От площади просторный двор жилого корпуса был отделен высокой чугунной оградой с воротами и теплой будкой для охраны. Простым смертным вход туда был запрещен. Когда-то тщательно охранялся и служебный подъезд: каждого приблизившегося к башне изучали крепкие парни в штатском, уверенно занимавшие позиции по всему фасаду. С тех пор, как центр власти переместился в старинный особняк губернской администрации, строгую охрану сняли. Теперь на широких ступенях кемарили нищие да бродячие псы, а у самых дверей околачивались какие-то темные личности.

Двое таких преградили Несговорову путь, едва он ступил на крыльцо.

– Запись на прием кончилась, – с сожалением известил его юнец в кожаной тужурке, с посиневшим от холода носом.

– Подожди, сейчас уточним, – остановил напарника другой, постарше, с мягким пушком на подбородке. Он вытащил блокнот и полистал, выдерживая паузу. – Поздравляю вас, одно место еще осталось! – с дежурной улыбкой обратился он к Несговорову.

– Одно место – где? – неласково спросил Несговоров.

– А вы куда идете?

Несговоров поколебался и все же решил ответить. Кто знает, какие у этих юнцов полномочия?

– Мне к Кудряшову. Немедленно!

Кожаный присвистнул и вопросительно посмотрел на небритого. Тот поскреб щеку.

– Это очень сложно, – вымолвил он. – Самая высокая ставка. Вы потянете? Плюс двести процентов за срочность.

– Давайте перенесем на завтра! – услужливо предложил кожанный. – Доплата составит всего сто процентов, большой выигрыш.

– О каких суммах идет речь? – сумрачно спросил Несговоров.

Молодые люди оживились.

– Кудряшов – это очень, очень дорого, – сказал небритый. – К нему практически никто не попадает...

– Зачем ты вводишь клиента в заблуждение? – возмутился кожанный. – Только вчера мы провели к нему двоих! Другое дело, что им пришлось...

– То-то и оно. Я всегда говорю клиентам суровую правду.

– Но для того и существует тариф ВИП!

– Вы, наверное, не очень хорошо знаете, что такое тариф ВИП, – любезно взялся разъяснять Несговорову старший. – Это значит, что в особо сложных случаях мы берем с клиента аванс, принимая все риски на себя.

– Я бы даже не стал пока брать за срочность, – предположил младший.

– Согласен! – решил его напарник. – Если уж вам сегодня повезло, то пусть везет во всем. Просто вы нам очень симпатичны. С вас двести долларов.

При этих словах оба внимательно посмотрели на Несговорова. Оценив реакцию, младший торопливо поправил старшего:

– Ты забыл о предпраздничной скидке! Реально клиент заплатит только четверть суммы.

– Половину! – возразил старший.

– Нет, четверть! В День благодарения фирма предоставляет двойную скидку!

Выходившие из башни люди огибали их подальше и прибавляли шаг. Несговоров молча двинулся по направлению к двери.

– Ты забыл о скидке для местных жителей! – спохватился теперь уже небритый, вцепившись Несговорову в рукав. – Еще пятьдесят процентов! С вас всего двадцать пять долларов!

Что-то было в лице Несговорова такое, отчего его все-таки отпустили. Младший, правда, кричал вдогонку:

– А за информацию? Информация тоже денег стоит!..

Миновав три тяжелые двери на тугих пружинах, Несговоров очутился в длинной сумеречной прихожей с низким потолком. Вдоль голых стен на бетонном полу теснились люди всех возрастов и званий. Из мужчин многие были одеты лучше Несговорова, иные даже богато, в меха, но лица у всех были такими, словно они неделями не умывались. Брезгливые подстелили под себя газеты. Практичные восседали или полулежали на принесенных из дому одеялах, кое-кто имел и подушку. Старики и старухи валялись пластом в полуобморочном состоянии, иные казались уже мертвыми. Рядом с некоторыми на бумажных лоскутах или тряпочках лежали съестные припасы. Между взрослыми бродили и ползали чумазные дети. С разных сторон доносились негромкие разговоры, причитания, всхлипы. Иногда этот ровный усыпляющий гул взрывался резким звуком: кричал припадочный или орал младенец, потерявший грудь. Но случайные всполохи довольно быстро затухали, и в мрачном накопителе вновь воцарялась атмосфера угнетенного ожидания.

В дальнем конце Несговоров разглядел некое подобие сцены. На ней возле высокой белой двери, украшенной позолоченной резьбой, восседал на стуле грузный человек в камуфляже. Другой блюститель порядка, одетый в такие же защитно-пестрые ватник и брюки, с комковатым, глубоко изъеденным оспой лицом, с тяжелой резиновой дубиной в руке прохаживался из конца в конец накопителя и носком сапога подправлял лежащих:

– Уберите ноги! Ноги подберите, освободите проход!..

К нему-то и обратился Несговоров:

– Подскажите, пожалуйста, как мне пройти к Кудряшову?

Стражник окинул Несговорова тяжелым взглядом и молча продолжил обход. Две – три ближние головы лениво оторвались от пола, чтобы взглянуть в новоприбывшего.

– Батюшка, дай на пропитание! – запричитала бабка в слипшейся от грязи шубейке, с кровоточающим синяком на круглом личике. В нос Несговорову ударила резкая вонь. Следом за бабкой в разных концах зала поднялись и приблизились к нему еще несколько человек, все с разбитыми и опухшими, черными от грязи лицами.

– Подай батюшка ради Христа Господа нашего матери его Богородицы заступницы милосердной... – жалобно канючила бабка, суетливо крестясь.

– На, миленькая, на. Будем друг другу помогать, – вдруг пробулькал знакомый Несговорову хриплый голос, и из-за его спины протянулась к нищенке темная старушечья рука с монеткой.

Несговоров угадал по голосу вчерашнюю театралку. К нему вернулся безотчетный страх. Не желая быть узанным, он на всякий случай прикрыл лицо рукой. Но в этот момент всем стало не до него. Быстрая, как схватка насекомых, сценка отвлекла общее внимание. Когда нищенка подхватила из руки театралки монету и попыталась тихо шмыгнуть на свое место, дорогу ей преградил коренастый горбун с железным костылем. Маленькая головка нищенки, шпокнув под ударом, отскочила от костыля как мячик. Поднялся гвалт, кто-то кинулся на защиту нищенки, нашлись сторонники и у горбуна. Рябой стражник, оживившись, размахивал дубиной и тупо лупил ею направо и налево. Другой, сидевший на сцене у двери, оторвался от стула и командовал, указывая сверху рукой:

– Вот этому, этому всыпь! Чтоб надолго запомнил! Совсем обнаглели. Не понимают, куда пришли.

Свара утихла так же быстро, как началась. Расставшаяся с монетой нищенка отползла к стене, тихонечко скуля. Горбун как сквозь землю провалился. Рябой для порядка поискал его глазами и снова пошел по рядам. Люди пугливо перешептывались, толкая друг друга происшествие.

– А тебе чего? – грубо спросил Несговорова старший стражник, успевший занять сидячее положение.

– Я к Кудряшову, с заявлением.

– Не положено.

– Это срочно. Я от Аршака Манвеловича!

Несговоров понимал, конечно, что стражник знать не знает об Аршаке Манвеловиче, но так уж сказалось.

По накопителю пробежал ропот. Послышались вначале слабые, а затем все более требовательные протесты:

– Что, опять свояк?

– Не пропускайте без очереди!

– Хватит принимать блатных!

– Огласите список!..

Возмущенные люди плотной кучкой обступили сцену, где Несговоров препирался со стражником. Потасовка нищих успела растревожить сонную толпу, и теперь многие по настоящему завелись.

– Эй, вы! – крикнул Несговорову высокий седой старик. – Мой номер тысяча семнадцатый, он написан на моей руке, и я клянусь памятью покойной жены, что раньше меня вы туда не попадете! – И в подтверждение клятвы поднял трясущуюся правую руку, на которой действительно темнел чернильный номер.

– Вы напрасно тратите слова, такие не понимают интеллигентного обращения, – громко упрекнул старика кучерявый коротышка в светлой замшевой курточке. – Сейчас я ему объ-

ясню. Ты, мразь, слезай оттуда по-быстрому, если не хочешь торчать в сортире вниз головой, дерьмо собачье!

– Стрелять таких надо! – добавила какая-то женщина.

Стражник нехотя встал и поднял руку:

– Успокойтесь! Без очереди в эту дверь никто не войдет. Расходитесь по местам.

– Пусть сначала блатной слезет! – потребовали из толпы.

– Идите вниз, – сказал стражник Несговорову.

– Сколько человек сегодня прошло? – поинтересовался Несговоров.

– Сегодня приема нет. Идите вниз, здесь стоять не положено.

– Все на завтра?

– Завтра тоже не будет.

– Запись идет на второй квартал будущего года, – вполне миролюбиво подсказал успешный остыть коротышка. – Прежде чем лезть, ты бы спросил! Твой номер будет тысяча сто сорок первый. Назови фамилию!

– И вы все ждете здесь второго квартала? – растерянно спросил Несговоров.

– Вот дурачина! Никто ничего не ждет. Просто два раза в день люди приходят отмечаться, сверяем список. Такой порядок. Кто не явился, того вычеркиваем. У нас с этим строго! Ну, некоторые боятся пропустить, являются пораньше, кто-то и ночевать остается... Что, включать тебя, или будешь ваньку валять?

– Но Аршак Манвелович сказал, что мое заявление надо подписать как можно скорее! – промолвил окончательно расстроенный Несговоров. – Потому что дни Кудряшова сочтены!..

Люди притихли. Начавшие было расходиться снова столпились у сцены.

– Что там у тебя? – тревожно крикнул стражник через весь зал рябому напарнику. Тот вел переговоры с кем-то у входных дверей. С улицы хотели войти, рябой не пускал. – Что за день, с утра нервы мотают! – Он надавил толстым пальцем красную кнопку на стене.

Спустя минуту лязгнули запоры, и величественная дверь приотворилась. Через узкую щель стражник что-то тихо докладывал неведомому начальству. Тем временем усилился шум у входа. Рябого потеснили, в зал внесли дымящийся серебристый котел. Все повернули туда головы, и стражник, воспользовавшись этим, взмахом руки подозвал Несговорова. Дверь раскрылась пошире, его втокнули внутрь. Несговорову показалось, что в последнюю долю секунды краем глаза он увидел в полутьме накопителя возле котла силуэт Маранты, но массивная дверь захлопнулась так же быстро, как и открылась, и он уже стоял в ярко освещенном, застланном красной ковровой дорожкой коридоре лицом к лицу с господином солидной и строгой наружности.

«Заместитель? Помощник? – пытался вычислить Несговоров. – Или референт, один из многих?..»

Господин молча провел его по коридору в небольшой кабинет, предложил стул и коротко сказал:

– Давайте ваше заявление.

Несговоров обтер ладонью лицо, пытаясь собраться с мыслями. Каким-то чудом ему удалось-таки попасть на прием, и теперь все зависит от того, как он сумеет распорядиться своим везением...

– Дело очень важное, – осторожно сказал он. – Мне бы хотелось изложить его непосредственно главе города...

– Дни которого сочтены? – язвительно уточнил господин. – И поэтому, вероятно, он должен не глядя подмахнуть вашу бумажку?

– Я этого не говорил, – пробормотал Несговоров, краснея.

– Но подумали.

Некоторое время господин, вооружившись толстым отлично заточенным красным карандашом, изучал заявление. Затем принялся что-то энергично в нем подчеркивать (Несговорову очень хотелось узнать, что, но привстать с места он не решался). Затем сказал с иронией, не поднимая глаз от бумаги:

– Художник? Что-то не припомню такого художника. Шишкина знаю, Саврасова, а вот Несговорова – не знаю. Вы действительно так верите в свою избранность, что считаете власть прямо-таки обязанной немедленно, вне очереди выписать вам ордер на новый чердак?

– Но ведь чердака... Э-э... Хотя бы чердака... Заслуживает каждый живущий?

– Бросьте демагогию. Когда-то нам всем хотелось в это верить.

Несговоров продолжал мучиться догадками. С одной стороны, едва ли это мог быть сам городской голова. С другой, уверенные и в чем-то даже крамольные высказывания господина свидетельствовали о том, что он занимает весьма и весьма высокое положение.

– Ответьте мне, если вы художник, – задумчиво произнес господин, отложив наконец карандаш и откинувшись на спинку кресла. – Предположим, вы узнали, что у вас в запасе... Ну, не часы, не дни, а пара месяцев. Целых два месяца работы. Последние два месяца. Какую бы картину вы написали?

Вопрос был жутковатый. Несговоров никогда бы не подумал, что башня прячет в своих недрах философов. Он сделал над собой усилие, чтобы ответить по существу.

– Наверное, я постарался бы закончить то, над чем работаю сейчас.

– Гм. – Господин неопределенно покрутил в воздухе пятерней. – Нечто в духе Нестерова? Молитва среди русских берез?

Несговоров внутренне содрогнулся. Этот человек, никогда не видевший его картины, владел ключом. По меньшей мере, одним из ключей. В нем определенно было что-то демоническое.

– И это даже после того, чему вы сегодня были свидетелем? – допытывался собеседник.

– А что я такое увидел, чего бы не знал раньше? – вопросом на вопрос ответил Несговоров. – Разве что двух юнцов, которые за доллары предлагают записать на прием к любому чиновнику.

– Любопытно, – сказал господин, снова беря карандаш и делая для себя пометку в перекидном календаре. – О таком я слышу впервые. Но это едва ли годится для масштабного полотна. Ну а сама очередь? Очередь в никуда и ни за чем, с чернильными номерками на ладонях? Разве не колоритное зрелище?..

– Мне не хотелось бы смешивать трагедию с глумлением, – запальчиво сказал Несговоров.

– Да бросьте вы! Будто не было эллинизма, барокко, романтических кошмаров... нынешнего постмодернизма, наконец, – с досадой возразил господин, выказывая незаурядную для чиновника эрудицию. – Все это вам должно быть гораздо лучше знакомо, чем мне. Искусство превращается в глумление в одном-единственном случае: когда за дело берется бездарь. Но тут уж не спасут ни благонравная задача, ни высокий штиль.

– Эта очередь... – Несговоров с волнением прервал возникшую было паузу, сам ужаснувшись новой догадке. – Ее не вы сотворили?

– Мне нравится ход вашей мысли, – сказал господин, грустно улыбаясь. – Но нет, увы. Не я. Она сама родилась. Обратите внимание, что те, кто просто живет, и те, кто числится в очереди, – разные люди. Эти множества почти не пересекаются. Одним из достижений уходящей, к сожалению, эпохи явилась профессия очередников, своего рода цех, точнее – целое сословие. Эти люди уже никогда не будут жить: смыслом их существования стало стоять в очередях. Очередь переходит по наследству детям и внукам. Вполне может статься, что какой-нибудь малыш получит место в детских яслях, на которое претендовал еще его прадедушка... Впрочем, нет, все-таки не получит, это было бы подрывом основ. Если разогнать очередь (а того

хуже, если она разойдется сама) – повалится все. Будьте уверены, об этом догадываются многие, в том числе и действующий губернатор. На такую радикальную меру никто не пойдет, хотя, конечно, в мелочах подтачивать будут... Всегда ведь есть идеалисты-карбонарии вроде вас. Однако могу признаться: как и вы, я хотел бы просто закончить то, что когда-то начал. В какое бы дикое противоречие с реальностью, в какой бы беспросветный тупик это ни заводило. Тут мы с вами сходимся. Нас обоих обременяет личная ответственность за самих себя, сдерживает память о том, какими мы были раньше. Мы не захотим, даже если бы и умели, выпрыгивать из собственной кожи. А вот у того молодого человека, что сейчас при губернаторе... Забыл его фамилию. Да вы знаете, о ком я... У него таких проблем нет. Он далеко пойдет, и я не пожелал бы вам оказаться у него на пути.

Господин пристально поглядел Несговорovu в глаза и вдруг улыбнулся своим мыслям.

– Вот так: я похитил ваш секрет, а теперь возвращаю его вам вместе со своим. Не судите, как сказано в писании, да не судимы будете. Если вам когда-нибудь доведется... А ведь доведется, вы тщеславны и властолюбивы, на беду вашу... Нет? А «перевернуть сознание соотечественников» (он цитировал лежащее перед ним заявление) некой живописной фантазией – что это?.. Так вот, если доведется побывать в роли пастыря, поруководить себе подобными, вы еще вспомните мои слова. Ну а сегодня ни у кого из нас нет иного выбора, кроме как доделывать начатое. Завтра мы могли бы начать что-то совсем другое, но то – *завтра*, его может и не быть...

Зазвонил телефон на столе. Господин снял трубку и некоторое время слушал, не говоря ни слова. А потом невозмутимо положил трубку на аппарат.

– Вот его уже и нет, этого завтра, – сказал он. – Сожалею. Я искренне хотел вам помочь. Конечно, мы сами, я имею в виду мое поколение, когда-то положили начало всему этому. Но в наше время играли самозабвенно, истово!.. А знаете, вполне вероятно, что и сейчас можно было бы спасти положение, если б нашелся хоть один ревностный участник процесса. Какой-нибудь художник! А? Вы так не думаете? Будь я художником – написал бы заново «Пир королей». Очень своевременная картина! Собака под столом – она ведь там единственный человек... Жаль, что все стоящие картины уже написаны. Ну да ведь и я не художник, а художник, наверное, придумает что-нибудь новенькое. Такое, что все другие разглядят лет этак через полсотни, не раньше... Сказать вам, что единственно меня утешает? Я доволен, что мне удалось заставить их сбиться в стаю. Когда все, такие вроде бы разные и самостоятельные, набрасываются на тебя как по команде – это поучительное зрелище. После они разбредутся по углам и будут виновато прятать глаза... М-да. Собачья тема как-то совсем некстати. Вернуть вам заявление? Впрочем, постойте...

Господин взял из дорогого письменного прибора ручку с тонким пером и в левом верхнем углу наискось начертил:

Эту просьбу обязательно удовлетворить.

Кудряшов

Подпись получилась красивой: размашистой и с кренделями.

Несговорov сразу прочел резолюцию и подпись, хотя листок и лежал перед ним вверх ногами. Сердце его подпрыгнуло. Рука сама дернулась за бумагой, одеревеневший язык пытался дать выход потоку неизъяснимой благодарности...

Но господин отчего-то медлил, придерживал заявление с резолюцией ладонью. Поднял глаза на трепещущего Несговорova, снова деликатно опустил взор.

– Нет, пора и честь знать, – вымолвил он наконец. – Сколько раз я проделывал это с такими как вы! Люди верили, искали у меня справедливости. Только я мог позволить себе роскошь быть хорошим. Вы заняли очередь? Какой у вас номер?.. Вот-вот. Ко мне попадал

один из тысячи. Он всегда встречал понимание и поддержку. Но мои беспечные, нерадивые, злые подчиненные, в чьи обязанности входило выполнять мои распоряжения, все делали наоборот, а попасть ко мне во второй раз и пожаловаться на них, как вы понимаете, было невозможно... Зато у несчастных оставались обо мне прекрасные воспоминания. Вы первый, кого я не стану обманывать.

С такими словами господин взял заявление в руки и медленно, педантично порвал его на мелкие клочки. И вновь поднял на Несговорова глаза, в этот раз немного увлажненные. Похоже, ему было по-настоящему больно.

– Это мы с вами переживем... Должны пережить. Если еще когда-нибудь у вас появится соблазн поискать правду в очереди под номером таким-то, не забудьте, что вы уже побывали на приеме у первого лица и получили от него все, что оно может дать. А теперь идите, уже звонят к обеду!

Господин решительно поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Глава пятая.

Осада

Несговоров сам не чуял, как снова оказался в накопителе.

Здесь многое успело перемениться. Куда-то пропали стражники. Величественная дверь на сцене оставалась полуоткрытой, но никто почему-то не стремился в нее войти. Люди сидели и возлежали вдоль стен, прихлебывая из одинаковых пластиковых чашек. В проходе посреди зала сверкал большой котел, который Несговоров успел заметить еще до того, как попал на прием, а возле него – ...

Конечно, Несговоров помнил мираж, возникший тогда на долю секунды. Но последние дни Маранта чудилась ему так часто, что он уже привык подобным миражам не верить. А там, за белой дверью, ему и без того хватало впечатлений. Несговоров еще и теперь был сам не свой: щеки горели, лоб покрывала холодная испарина, конечности заledenели и не слушались. Тут-то и предстала перед ним вполне осязаемая Маранта, держа в одной руке черпак, в другой – пластиковую чашку, наполненную чем-то горячим.

– Ешьте!

Она сказала это так просто, как будто он каждый день получал у нее из рук похлебку. Несговоров безропотно принял чашку и машинально обхватил ее ладонями, чтобы согреться. Его трясло.

– Вы весь дрожите! – заботливо сказала Маранта. – Я знала, что здесь не топят, но чтобы так дрожать... Запишите, – обратилась она к стоявшему рядом человеку. – Они держат стариков, детей и больных в неотапливаемом помещении!

Спутником Маранты, только теперь обратившим на себя внимание Несговорова, был чрезвычайно живой человек средних лет с красивой седоватой шевелюрой и любопытными голубыми глазами. Головного убора он не носил, был одет в элегантное драповое пальто и по самый подбородок закутан теплым шерстяным шарфом. Здоровый цвет лица, бодря мимика и улыбочивость выдавали в нем иностранца.

По просьбе Маранты незнакомец вынул из широкого кармана пальто блокнот и с усердием принялся что-то в него заносить. Закончив работу, аккуратно поместил блокнот с ручкой на прежнее место, приветливо улыбнулся Несговорову и сказал, невпопад кивая головой:

– Здравствуйте! Вы должны сначала показать свою ладонь, да?

– Ладонь?.. – переспросил Несговоров.

– Ваш номер! Такой порядок.

– Можете его кормить! – с набитым ртом важно разрешил стоявший поблизости кучерявый бюстититель очереди в замшевой куртке. – Он еще не успел написать, его номер тысяча сто сорок первый!

– Почти «первый», – пошутил успокоенный иностранец. Он неплохо говорил и, видимо, любил каламбурить по-русски.

– Зачем вы дали мне это? – с недоумением спросил только-только начавший приходить в себя Несговоров, возвращая нетронутую чашку Маранте.

– Ешьте, – настойчиво повторила она. – Вы же не пообедали! Это гуманитарная помощь, инициатива мистера Викланда. А это, – она повернулась к иностранцу, – мистер Несговоров, известный русский художник, профессор живописи.

– О, мы с вами почти коллеги, – радушно заметил Викланд, не переставая кивать. – Я тоже профессор, ну, вообще, дома, а здесь у меня миссия... Миссия или комиссия? – с трога-

тельным смущением уточнил он у Маранты. – Да-да, секретарь миссии, что-то вроде посланника. Мы защищаем интересы обыкновенных людей. Нормальных.

– В нашем городе нормальных нет, – уверенно сказал кучерявый коротышка, дожевывая свой хлеб и возвращая Маранте пустую чашку. – Все чокнутые.

– Ах, да, «чокнутые»! – Викланд кивнул и ему.

Несговоров опустил на корточки, поставив чашку рядом. Он чувствовал тошноту и слабость, изнутри жгла боль.

– Что они с вами сделали? – тихо спросила Маранта, опускаясь возле него и выразительно поглядывая на белую дверь. Он догадался, что она видела, как он оттуда вышел.

– Я был на приеме у Кудряшова, – признался Несговоров.

– Боже!.. Теперь я понимаю. Это, наверное, был сплошной кошмар!..

– Вы видели Кудряшова? – удивился Викланд. – Но это невозможно! Я пытался с ним беседовать, но мне отказали, потому что он три месяца тяжело болен, лежит разрезанный в госпитале...

– Да он за границей давно! – вклинился коротышка.

– Стащил наши денежки и тю-тю! – прохрипела со стороны театралка. – Где моя пенсия? По накопителю пронесся шумок.

– Давайте расскажем всем, что произошло вчера вечером возле театра! – предложила Маранта Викланду с непонятным для Несговорова воодушевлением. В ее глазах полыхал огонь.

– Да-да, – охотно согласился Викланд. – Но я не должен. Это было бы вмешательством в ваши внутренние дела. Я уполномочен только наблюдать. Наблюдать, чтобы соблюдать! У вас не все хорошо с правами человека, нет? – обратился он к Несговорову, заминая неловкий каламбур.

– Он еще не знает вчерашнего! – с той же значительностью сказала Маранта.

– Кисель вместо мяса! – скрипнул в углу тонкий пропитой голос. – Вот ваши права!

Это ворчала уже знакомая Несговорову нищенка в шубейке. Сидя на полу с широко раскинутыми ногами в спущенных чулках, она грязной ручонкой полоскалась в чашке с супом, пытаясь что-то выловить. Рядом пировал недавний ее обидчик – горбун с костылем.

– Заткнись, мать! – цыкнул на нищенку кучерявый староста, обладавший острым чувством справедливости. – У тебя и на кисель прав нет! В следующий раз ничего этой мрази не наливайте, – наказал он Викланду. – Ни ей, ни ее хахалю! Они в очереди не стоят.

– Да-да, – привычно кивнул Викланд, прибавив с юмором: – Это будет нелегко!

Горбун оторвался от еды и угрожающе уставился туда, где сидел кучерявый. Внезапно он вырвал чашку у своей соседки и швырнул ее в кучерявого вместе с остатками супа.

Задетые и перепачканные люди повскакивали с мест. Возник переполох.

– Уходили бы вы отсюда! – прокаркала Викланду с Марантой старуха-театралка. – Одно беспокойство от вас.

Откуда-то раздался оглушительный свист. Маранта стремительно поднялась и с грохотом поволокла к выходу пустой котел, по дороге ловко собирая использованную посуду. Опомнившийся Несговоров подхватил котел с другого боку. Викланд, с любопытством озираясь, поспешил за ними.

– В этой очереди тоже есть кудряшовцы? – озадаченно спросил он, когда выбрались на воздух.

– Что делается, смотрите! – воскликнул Несговоров.

У крыльца полукругом стояли солдаты в камуфляже, в касках, с огромными щитами и дубинками в руках. Они плотной цепью отрезали башню от непривычно многолюдной и шумной площади. Это уже не походило на деловитую толпу в базарный день: народ был чем-то взбудоражен, чего-то ждал, слышались задиристые возгласы и брань. Но солдаты, судя по всему,

не собирались охранять башню от уличных смутьянов – напротив, их щиты воинственно глядели внутрь полукольца, прямо на Несговорова, Маранту и Викланда.

– Началось, – загадочно произнесла Маранта. От волнения на щеках ее выступил румянец, глаза заблестели ярче.

– Мы были здесь с гуманитарной миссией! – заявил Викланд военным, предупредительно показывая иностранный паспорт.

– Приказано никого не выпускать. Возвращайтесь в башню!

Викланд встревожился.

– Похоже, нас хотят... Как это у вас говорится? Замочить? Вместе с кудряшовцами, – невесело пошутил он и снова обратился к солдату: – Где офицер? Мы ваши друзья! Мы тоже работаем на демократию!

– Ничего не знаю. Идите назад!

Маранта резко вскинула голову – как было на сцене, во время представления. Взметнулась с волос снежная крупа. Котел в ее руках вдруг описал большую дугу и – с размаху бухнулся в щит. Солдат от неожиданности отступил, поскользнулся и упал в снег.

– Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому! – задорно крикнула Маранта и первая устремилась в образовавшуюся брешь с котлом наперевес.

Несговоров ринулся следом, восхищаясь Марантой и страшаясь за нее. Эта взлохмаченная красавица, которая теперь скользила со своим котлом под горку, будто ведьма на помеле, всякий раз преподносила сюрпризы и грациозно его обставляла, вынуждая плестись в хвосте.

Викланд не отставал от Несговорова, в его голубых глазах играли чертики.

– Надеюсь, они не будут стрелять нам в спину? – сдержанно шутил он на бегу. Жизнь учила быть осмотрительнее в острогах.

Возле театра Маранта лихо перевернула котел кверху дном, уселась на него и сказала Несговорову с упреком:

– Это вы вчера накликали. Я ведь правда не люблю воевать.

– Такая хорошая бескровная война, нет? – вымолвил довольный Викланд. – «Спасибо этому дому...» Как там дальше?

– Не имеет значения, – сказала Маранта.

Мысли Несговорова витали далеко.

– Это солдаты губернатора? – не к месту спросил он.

– Будем надеяться, что это просто солдаты, которые охраняют покой горожан, – заметил Викланд.

– Вчера бы я ответила вам, что мне все равно, чьи это солдаты, – серьезно сказала Маранта Несговорову. – Но теперь, когда погибли дети...

– Расскажите подробнее, я хочу сверить свои ощущения, – попросил Викланд, принимая приличествующую случаю скорбную позу.

– Вчера здесь, в театре, выступали японские музыканты, давали благотворительный концерт для детей, – начала Маранта. – Кто-нибудь в этом городе слышал сямисэн, сякухати, семнадцатиструнное кото?.. Такие гастролы случаются раз в тысячу лет. Естественно, набился полный зал. Пришли даже сироты из приюта. Слава Богу, Даша не знала об этом концерте и не пришла! – Маранта подняла на Несговорова горестный взгляд. – Когда концерт кончился, советники как раз выгуливали на площади своих собак. У них стало модным держать этих отвратительных питбулей, по примеру Кудряшова. Тому привез из-за границы какой-то неонацист. Выводят на прогулку сворой, без намордников...

– У нас эта порода запрещена, – вставил Викланд. – Они непредсказуемы.

– Последними выходили из театра приютские дети. С ними была воспитательница, она пыталась их организовать, выстроить парами... Но дети есть дети... Да еще после замеча-

тельной музыки, мыслями все там, на концерте... Две девочки и мальчик отстали от группы, и на них... Их разорвали в клочки...

Викланд деликатно отвернулся.

– Я уверена, что собак натравили нарочно, это было подстроено, – сказала Маранта, взяв себя в руки. – Кудряшов понял, что власть от него уплывает, и решил напугать, показать всем, кто тут хозяин. В жертву грязной политике принесли безобидных крошек.

– Он что, сам был там? – наивно спросил запутавшийся Несговоров.

– Там была его собака! – жестко сказала Маранта. – Ее узнали, она вожак всей стаи.

«Я доволен, что мне удалось заставить их сбиться в стаю», – по совпадению припомнилось Несговорову. Он бы не поверил очередному кошмарному слуху, если бы не Маранта... В ее глазах стояли слезы.

– Кто-нибудь видел этих детей? – лишь поинтересовался он.

– *Каких* детей? – с ударением переспросила Маранта дрогнувшим голосом. – Разорванных собаками? Возможно, под снегом кровь. – Она посмотрела себе под ноги. – Это случилось здесь, вы можете проверить. Наверное осталась.

– Простите, – сказал Несговоров тихо, чувствуя себя раздавленным.

Рядом с Марантой он был обречен ежеминутно сознавать свою неловкость и думать только о том, как не оплошать перед ней.

– И что теперь? – спросил Викланд, глядя на солдат перед башней.

– Наверное, будут искать улики, – предположила Маранта. – В любом случае преступление не должно остаться безнаказанным.

– Вы тоже так думаете? – Викланд повернулся к Несговорову.

Прочерчивать какие-то связи и выводить умозаключения, которых ждал, по-видимому, Викланд, Несговоров был не в силах.

– Я знаю, что делать! – пришла ему на выручку Маранта. – Надо положить здесь, на месте гибели детей, цветы и зажечь три свечи.

– Прекрасная мысль! – откликнулся Викланд. – Пойду попрошу спички.

– А я принесу свечи из гримерной! – сказала Маранта. – Я знаю, где их прячут.

Несговорову не осталось выбора.

– А я, – сказал он после малодушной паузы, за которую тут же себя осудил, – пойду куплю цветов на рынке.

Маранта заглянула ему в глаза испытующе:

– У вас есть деньги? Зимой цветы дорого стоят!

– Не нужно об этом! – остановил ее Несговоров, закипая уже настоящей ненавистью к себе. – Вы придумали замечательно.

– Если бы я знала! – промолвила Маранта с сожалением, но и с благодарностью...

Когда все трое собрались на прежнем месте, начало смеркаться. Народу на площади прибавилось: подошли «кудряшовцы», сочувствующие осажденному совету, заняли позицию со стороны рынка. Между враждующими группировками пролег свободный коридор шириной несколько метров. Заводили с обеих сторон время от времени вяло перебрасывались через нейтральную полосу оскорблениями и угрозами, но сблизиться и выяснять отношения никто не хотел. На будке охраны сторонники губернатора вывесили лозунг: «Убийц – к ответу!» Недвижно стоящие в цепи солдаты к ночи стали смотреться зловеще.

Викланд передал последнюю новость, услышанную им в толпе: городской совет распорядился закрыть пекарни, завтра в магазинах не будет хлеба.

– Это весьма деструктивно, – рассуждал он. – Зачем ваши пекари слушают этих сумасшедших?

Маранта зажгла три свечных огарка, укрепила их на днище перевернутого котла, там же уложила принесенные Несговоровым гвоздики. Викланд опять направился в толпу, чтобы про-

честь лозунги. Воспользовавшись моментом, Несговоров достал припрятанную на груди под пальто розу и протянул Маранте.

– Это вам, вам одной, и пусть само место и поминальный этот час свидетельствуют о чистоте и силе моего к вам чувства. Не знаю, представится ли мне когда-нибудь случай принести клятву вернее этой.

Маранта приблизила цветок к огню, сберегая от холода, склонилась над ним. В ее волосах искрились капли оттаявших снежинок. Озаренное свечами лицо было серьезным и сосредоточенным.

– Я приму это, если вы дадите мне обещание, – медленно вымолвила она.

Несговоров решил, что она потребует от него никогда больше не говорить ей о любви, и мысленно сжался.

– Все это стоит денег, – продолжила Маранта, слегка запинаясь. – Вы совсем не обязаны. У вас, наконец, есть Даша, ее надо кормить... Обещайте, что если наступит день, когда у вас не окажется рубля на кусок хлеба – вы возьмете у меня этот рубль...

Комок подступил к горлу Несговорова. Она не только не отсекла надежду, но сама нарисовала общее с ним будущее!

– Что ж, – произнес он. – Такое действительно может случиться. Сегодня мне объявили о закрытии колледжа и пообещали в ближайшие дни выкинуть нас с Дашей на улицу.

– И вы только сейчас об этом говорите! Так вот зачем вы ходили на прием к Кудряшову...

– Да. Он сначала поставил резолюцию, а потом порвал мое заявление.

– Порвал? Он порвал?!.. Вчера вы упоминали о возмездии. Наверное, это именно тот случай, когда отмщение неизбежно... Теперь я знаю, как надо поступить!

Она подняла голову, и в больших черных глазах засверкали отражения огненных язычков.

– Случалось ли такое, чтобы вы этого не знали? – пошутил возникший из темноты Викланд, потирая от холода руки.

– Надо разбудить, наконец, этот сонный город, – продолжала Маранта. – Они должны понять, что никто за них не сделает выбора... Идемте!

– Куда теперь?

– На крышу!

На ходу Маранта изложила свой план. На чердаке театра, заваленном старыми декорациями и всякой рухлядью, Несговоров напишет красками большую картину на подвернувшемся холсте, каком-нибудь выброшенном за ненадобностью занавесе, и они растянут ее на фасаде театра. Этой картиной надо суметь сказать все и ждущим, все еще колеблющимся людям на площади, и солдатам, и тем, кто надеется отсидеться в башне. Пусть она будет сделана наскоро, в условно-плакатной манере, с какими-нибудь шокирующими надписями и разными авангардистскими штучками, – главное, чтобы потрясала тревогой, болью и гневом.

– Я видела в кладовке фосфоресцирующую гуашь! – радостно вспомнила Маранта. – Ночью все это будет сверкать огнем. В башне решат, что против них ополчился сам Люцифер!

Несговоров в эту минуту не смог бы признаться и себе самому, хочется ли ему малевать на старом театральном занавесе какой-то гуашью зажигательный плакат. Скорее всего, у него, как в случае с цветами, просто не оставалось выбора, но это и был, по сути, его внутренний выбор. Маранта была Марантой, она никогда не переставала играть, но именно такую Маранту он безоговорочно принял в свое сердце.

Викланд подчинился Маранте в своем обычном стиле легкого подтрунивания:

– Да-да. Мы их накормили, теперь пора будить!

Маранта повела их уже знакомым Несговорову окольным путем: через двор мимо мусорной свалки к подвальной двери и далее по узкому коридору с трубами вдоль стены... Но до страшной кухни не дошла, повернула на неприметную лесенку (вероятно, именно там

в прошлый раз скрылся от Несговорова с Дашей провожатый), и скоро они оказались в пустой примерной, где Маранта брала свечи. Здесь стояли вдоль стен высокие темные скрипучие шкафы, которые Маранта принялась бесцеремонно потрошить, вываливая на пол стопки журналов, баночки с гримом и пудрой, какие-то пузырьки, открытки, афиши, парики и прочую мелочь, пока не добралась наконец до припасов декоратора. Как она и рассчитывала, нашлись две большие банки со светящейся гуашью – огненно-красного и синего цветов. Тут же лежали плохо помытые кисти, выбирать из них Маранта предоставила Несговорову, а сама тем временем нацепила на голову седой парик с буклями.

Дальше началось восхождение по той самой узкой и крутой черной лестнице, что привела в свое время Несговорова с Дашей в пустую ложу осветителей. Викланд немного отстал, Несговоров же поднимался в темноте бок о бок с Марантой.

– Если это случится, – тихо сказала ему Маранта, перейдя на условный, теперь только им двоим ведомый язык, – Даша могла бы побыть... Вы тоже, конечно, если вам это удобно, без мастерской... Хотя оборудовать небольшую мастерскую не проблема... Какое-то время, пока все устроится... Это маленькая квартира, но теперь она, кажется, стала окончательно моей... Я возвращаюсь поздно, мешать вам не буду.

Она была в эту минуту вся как трепетный сгусток жизни – жизнь взволнованного сердца, жизнь струящейся крови, загадочная жизнь нечаянных горячих прикосновений... Несговоров сомлел от счастья чувствовать ее, такую, рядом, и не сразу сообразил, о чем она говорит.

– Вы упоминали вчера о ваших связях в окружении губернатора... Может, через них попробовать?

– Это нужно будет делать, – быстро согласилась Маранта. – Но сейчас я о первых днях... Если все случится прямо завтра... Что бы там ни было, Даша не должна страдать.

Только тут до него дошло.

– Теперь условие за мной, – прошептал Несговоров ссохшимися губами. – Я... Простите, у меня что-то с голосом. Когда говорю с вами, самому тошно себя слушать.

– Каждый ненавидит свой голос как нежеланного свидетеля, – загадочно обмолвилась Маранта.

– Мое условие: если такое действительно возможно... То есть, чтобы Даша и я поселились у вас... То все должно быть по-настоящему. У меня с вами это может быть только по-настоящему, насовсем.

Он щекой, ухом, всей кожей ощутил жар ее близкой щеки.

– Я предчувствовала, что вы так скажете, – созналась Маранта. – И почти знаю ответ.

– Но... каким же он все-таки будет... ответ?

– Не торопите. Он именно будет.

– Ваш ответ Кудряшову? – громко поинтересовался Викланд, нагоняя их на площадке. – Надеюсь, после такой тренировки он будет достаточно сокрушительным!

Маранта обошла винтовую лестницу, ведущую к осветителям под купол, и нырнула в низкий проем. За ним наощупь отыскивались ступеньки, по которым они в кромешной тьме, стяхивая липнущую к лицу и рукам паутину, взошли на чердак.

При бледном свете зажженной Марантой свечи пробрались через завалы к серевшему во тьме круглому окну. Отсюда открывался вид на площадь. Внизу в разных концах горели большие костры, возле них кучковались темные фигурки. Молодежь перебрасывалась через «линию фронта» снежками. Солдатская цепь распалась и сгрудилась возле своих костерков. Наверх доносились хохот, мат, свист, даже девичий визг, где-то затянули песню:

*Чтобы не было грустно,
Порубаем в капусту
Всех врагов с кудряшов-ца-ми!..*

– Отсюда можно подсчитать голоса и объявить итоги, – сказал довольный Викланд.

– Вам это напоминает голосование? – с сомнением спросил Несговоров.

Они остались у окошка вдвоем. Маранта бродила по чердаку, отыскивая пригодный для работы холст. Гремели и хрупали под ее ногами фанерные декорации.

– Мне милее народ молчащий, – продолжил Несговоров. – Не забытый, конечно, а как у нашего классика Пушкина, знаете? Который так безмолвствует, что это гудит в ушах набатом. В молчании больше правды и чистоты.

– Благодарите Бога, что я не американец! – сказал Викланд, демонстративно зажимая уши при последних словах Несговорова. – В Штатах бы вас за такие речи очень и очень не похвалили! Чистота у вас уже была, нет? На нее тратится слишком много... Как лучше сказать? Ради нее приходится часто умыться кровью.

– Никогда не говорите посланцам из-за бугра о чистоте и справедливости! – крикнула Несговорову с веселой дерзостью Маранта, волоча за собой длинный пыльный рулон, вся в мусоре и тенетах. – Забугорье относится к этим понятиям с большим подозрением.

– Для *демократического* слуха они звучат подозрительно, – уточнил педантичный Викланд. – История двадцатого века не оставила иллюзий на этот счет.

– Между чистотой и тиранией нет ничего общего, – упорствовал Несговоров. – Для чистых все чисто. Возможно, мнимая чистота тиранов – один из мифов толпы, жаждущей искупить свою нечистоту.

– Или не мнимая, – пробормотала Маранта, уже бросив свой рулон и тоже прильнув к окну. – Жажда ведь не одни фантомы создает, она и пресуществляет...

– Не буду спорить с русскими мудрецами! – Викланд миролюбиво поднял руки.

– Значит, вы не видите смысла во всем этом участвовать? – тихо спросила Маранта Несговорова, не отрывая взгляда от ночной площади.

– Да нет...

– «Да нет» – это «да» или «нет»? – со смехом воскликнул Викланд.

– А что я вам говорила про ужас русской речи! – оживилась Маранта. – И не думайте переводить. Это как рассеянным боковым зрением иногда видишь больше, чем выпялив зенки...

– Зенки? – Викланд попал в новое затруднение.

Несговоров невольно улыбнулся. Ему нравилось, как Маранта хулиганила.

– Моя Даша в таких случаях говорит «разуй глаза», – сказал он.

– Вот-вот! – восхитилась Маранта. – Разуйте глаза, господин иностранец! Перед вами натуральный русский бунт.

– Снова бунт? – в тон ей резво отпарировал Викланд. – И не только на площади, как я понимаю, но и здесь? Ваш художник отказывается писать «Кудряшова – на нары»?

– И даже рисовать его собаку, – серьезно продолжил Несговоров. – Если все это фарс...

– Фарс? Погибшие дети – тоже фарс? – накинулась на него Маранта.

– Не знаю. Дайте сказать. То, о чем вы говорили внизу – это важно. Чтобы люди сбросили морок и проснулись, научились сами принимать ответственные решения. Этой цели я готов служить. Но я умею работать лишь с полной отдачей... Истово. Только так, по-моему, можно противостоять повальному глумлению, когда каждый забавляется жизнью, своей и окружающих, как ему вздумается, а в результате все превращается именно в дрянной жестокий фарс...

В запальчивости он повторил слово из напутствия, полученного в башне, и сам поразился перекличке.

– Кажется, я начинаю понимать, – сказал Викланд. – Истово – значит усердно? Просто вы восточник. На Западе художник рисует картину и получает за это деньги. Или какие-то преференции на будущее, как сейчас, когда вам никто, конечно, сразу не заплатит. Свободу,

например, к которой можно относиться вполне утилитарно... Это его работа. Но вам, чтобы заниматься искусством безмятежно, требуется решить, как ни мало, две проблемы: во-первых, есть ли на небесах Бог, и, во-вторых, назначил ли он именно вас своим орудием. Это максимализм, но красиво, правда? – Викланд повернулся к Маранте.

– Правда, – согласилась Маранта. – Только не «назначил», а «избрал».

– Да-да, избрал, извините. Ваш Бог не чиновник, это я понимаю. Он заменяет вам демократию. Как это? Пре-су-ществ-вляет ее в себе... Но противоречие, кажется, разрешимо? – дипломатично предположил Викланд. – Надо лишь назначить... извините, *избрать* подходящий сюжет. По-моему, подошла бы «Юдифь». – Тут он озорным взглядом окинул с ног до головы Маранту, стоявшую со свечой, как с мечом. – Красавица проникает во вражеский стан, соблазняет господина Кудряшова и... отрубает ему голову. Эта ножка на голове противника, а? – Он приглашал Несговорова полюбоваться нарисованной картиной.

– Вам не идет повторять базарные сплетни, – рассердилась отчего-то Маранта.

– Нет-нет, вы меня неверно поняли...

– Брейгель Младший! – мечтательно предположил Несговоров, выглядывая в окно. – «Ярмарка с театральным представлением» или что-то в этом роде.

– О! Такую картину придется слишком тщательно рассматривать...

– «Ночная стража!» – сказала Маранта, стряхнув оцепенение обиды и включаясь в игру.

– «Взятие Бастилии», конечно, но это банально, да?

– Муций Сцевола!

– Святой Себастьян со стрелами!

– Нет! – Несговорова осенило. – Просто безымянная голова! Голова, пронзенная стрелами. И еще солдатка, выносящая с поля боя человечью ногу – все, что осталось от любимого. И еще «Победа»: неопрятная изможденная баба с крылышками, по колено в крови, и ей рукопещут скелеты...

– Ну да! «Иван Грозный убивает своего сына Ивана», – с иронией сказал Викланд, потеряв, видимо, надежду на дельный результат.

Маранта тревожно и странно смотрела из темноты на Несговорова.

– Я знаю, про что вы, – тихо сказала она. – Но тогда уж «Человек огня». Фреска из приюта в Гвадалахаре.

– Да, – сказал Несговоров. – Да, именно эту его вещь я держал в голове и как-то упустил.

«Человека огня» он не назвал потому, наверное, что видел только репродукции, и хотя уже ими был потрясен, но даже самому себе стыдился в этом признаться, а о местонахождении подлинника как-то не задумывался... Сообщение Маранты застало его врасплох. Неужели судьба распорядилась столь гениально? Такая картина должна украшать именно приют, служить тем, кому трудно. Засыпая вечерами и просыпаясь утрами под «Человеком огня», они не посетуют на тяготы текущих дней, не растратят время жизни на пустые роптания, но будут готовиться к светоносному подвигу. И молиться станут лишь о том, чтобы Бог даровал им в решающий час силу, смысл и красоту.

Еще Несговорову показалось, что Гвадалахара как-то связана с Марантой, где-то уже всплывало рядом с ней это далекое звучное имя, но как и где, вспомнить не мог, а спросить – постеснялся...

Втроем расчистили участок пола перед окном, задыхаясь от поднявшейся пыли. Расстелили найденное Марантой полотнище, сшитое из нескольких полос крепкого серого рядна. О таком холсте нельзя было и мечтать! Ловко орудя невесть откуда взявшимися молотком и гвоздями, Маранта натянула и закрепила его по периметру на длинных рейках. А затем подала Несговорову кисть.

– Всегда найдутся доброты, готовые протянуть ружье! – напомнил он ей с улыбкой ее слова.

Недоставало света; но уже после первых мазков Несговоров убедился, что вполне может ориентироваться в полумраке по фосфоресцирующему следу краски. Маранту, однако, это не устроило, и она решила спуститься в гримерную за новыми свечами, а заодно раздобыть где-нибудь еды.

Викланд молча рассматривал площадь. Несговоров погрузился в работу.

Человек огня, распятый на кресте, весь воспарял взвихренным потоком к небу. Тело формировалось пламенем и было от него неотличимо. Густые, более спокойные нижние языки наполняли силой мышцы ног и живота, а выше стремительная тяга, казалось, с оглушающим ревом возносила вместе с искрами почти бесплотные контуры головы и плеч... Так это представлялось теперь Несговорову.

Рисунок, как и горение, начинался снизу. Низ – холодный. Единственное, что еще оставалось в человеке не затронутым пламенем, были голые ступни да икры.

На все человеческое и огненное имелось всего две краски: алая и синяя. Небогато.

Могло быть и хуже, подумал Несговоров, когда ему удалось ступни. Человек как раз и состоит из двух: холодной мертвой плоти, своей тени, и бегущей по жилам горячей крови. С пламенем потруднее: как ни парадоксально, в природе нет огненного огня. Но ведь артерии, по которым струится кровь, тоже не кажутся нам алыми, они – голубые. Так и огонь, достигший максимальной силы и чистоты сгорания...

– Грузовик, – скучным голосом известил от окна Викланд.

Несговоров и сам услышал: от мощного рева прибывшего на площадь грузовика задрезали стекла.

– В кузове аппаратура, – комментировал Викланд. – Кажется, кто-то собирается говорить.

– Раз-два-три... – упруго ворвалось на чердак из мощных репродукторов, подавляя все другие звуки. – Проверка. Проверка. Раз-два...

Наступившее вслед за тем короткое молчание разрезал пронзительный голос:

– Сограждане! Друзья мои!..

Несговоров обмер. Хрипящие динамики и вибрирующее эхо искажали звук, но интонация была слишком знакомой.

– ...Патриоты города! Я говорю с вами от имени и по поручению всенародно избранного губернатора, которому все мы, друзья, когда-то доверили защищать нашу свободу. Что же изменилось, родные мои? Почему вы так нерешительны перед теми, кто задумал ее задушить? Вы знаете, что случилось вчера на этой площади. От рук... гм... гм... От клыков собак, направленных советниками-убийцами, погибли невинные дети. Наполовину опустел городской приют, которому все мы дарили тепло своих сердец. Только что пришло еще одно страшное известие: обезумевшие от страха перед неизбежной расплатой преступники захватили в качестве заложников тысячу сто сорок горожан, ждавших в башне решения своих проблем. Лишь одному удалось сбежать, его личность сейчас устанавливается органами правопорядка. Остальных ждет участь погибших сирот...

– Что он там несет! – простонал Несговоров, скрипнув зубами.

– Что ваша личность устанавливается, – с деланной серьезностью доложил Викланд. – Вы знаете оратора? Кажется, он настроен демократически?

– Опасны не Кудряшов, не советники: им уже приготовлены места в камерах, – продолжали надрывать динамики. – Обещаю вам, что там у них не останется никаких привилегий. Опасны и заразительны идеи, которые пропагандируют их многочисленные агенты среди выживших из ума стариков и старух, бродяг, алкоголиков и наркоманов. Этот сброд, одержимый чумным бредом равенства, тянет нас в позавчерашний день. Всех, всех под одну гребенку – вот их мечта! Оглянитесь, друзья, вокруг, проверьте, нет ли рядом с вами тайных врагов свободы. Будьте бдительны! Давайте скажем все дружно: сво-бо-да! сво-бо-да! сво-бо-да!

«Сво-бо-да!» – принялась завывать площадь...

Сомнений не осталось: это был Асмолевский. Утешало лишь то, что он живой и невероятный, у всех на виду, а значит, и слухам про покушение конец.

– Обозленный бродяга и нищий – вот он, друзья, наш враг! Давайте скажем: смерть кудряшовцам! Смерть! Смерть!..

«Ур-р-ра!!!» – вопили на площади. Крики усилились, среди них были и отчаянные. Несговоров оставил кисть и подошел к окну. Одна часть толпы, подбодренная воинственными кличами Асмолевского, навалилась на другую. Теперь дело уже не ограничивалось снежками: в ход пошли бутылки, камни, заранее припрятанные железные прутья. Упавших затапывали и били ногами. Кто-то рослый, с голо блиставшей при свете костров заостренной макушкой, размахивал направо и налево горячей головней. Несговорову показалось, что это Щупатый...

Грузовик взревел, развернулся и укатил, провожаемый затихающим звоном чердачных стекол.

Башня молчала, глухо чернея окнами. Солдаты из оцепления безучастно глазели на драку, которая то затихала, то вспыхивала с новой силой.

Маранта вернулась незаметно, подседа к огню и вынула из-под накидки несколько свечей и сверток. В промокшей газете лежали четыре полураздавленных вареных яйца, обломок зацветшего батона, сухая сырная корка и банка с остатками чего-то вязкого на дне.

– На ужин хватит! – сказала с вызовом, первой храбро счищая грязную скорлупу с яйца.

– А! – произнес Викланд, потирая руки.

– Грибной соус? – любезно предложила Маранта, протягивая ему банку. – По запаху судя, грибной.

– А! Да-да, – вежливо кивнул Викланд. – Это вкусно.

– Кто же для нас все это... приготовил? – вымолвил Несговоров, заглатывая пустую слюну.

– К вопросу о чистоте! – иронически прокомментировал Викланд, обмакивая в банке свой кусок сухаря.

– Кто бы он ни был, – с досадой отпарировала Маранта, – мы должны быть ему благодарны. Ваша мама готовила вкуснее? А сейчас вы сами себе готовите? Кстати, Даша там найдет что поесть?..

– Я сварил ей суп. Она знает, что я ушел надолго... – Несговорова все-таки кольнула тревога при напоминании о Даше.

– Она будет бояться, что вы среди заложников и вам грозит опасность! – предположил Викланд. – Трудно поверить, что вам повезло быть одним из тысячи... Как это? Тысячи сто сорок первых!

– В этом городе уже никто никогда ничему не поверит! – мрачно пробормотал Несговоров.

– Значит, передумали писать «Человека огня»? – спросила Маранта, не поднимая на него глаз.

Несговоров оглянулся на холст. Пламя как раз уверенно занялось и достигло торса, приближаясь уже к груди.

– Нет! Не передумал.

Глава шестая.

Праздник победы

В поздних рассветных сумерках, когда «Человек огня» уже трепетал на фасаде театра (Маранта, оказывается, умела и по крышам лазать!), пугая немногих оставшихся у дотлевающих костров горожан, на площадь снова прибыл грузовик с динамиками. Асмолевский зачитал из кузова указ губернатора о роспуске городского совета и установлении на территории города губернаторского правления – до новых выборов, дата которых будет назначена позже. Здание башни по указу переходило в распоряжение губернской администрации. В завершение Асмолевский поблагодарил от имени губернатора всех, кто отстоял свободу и демократию, и добавил, что вечером в театре состоится большой концерт в ознаменование торжества законности и порядка.

Слушатели вяло похлопали, покричали без особого энтузиазма и разбрелись по улицам, горланя песни. Кучка солдат направилась к главному подъезду башни и широко растворила двери. Оттуда начали выпихивать одного за другим сонных очередников, угревших в накопителе. Тех, кто пытался вползти назад и досмотреть сны, солдаты подбадривали пинками. Когда из дверей вылетел последний узел с чьим-то добром, их наглухо заперли, а на крыльце выставили охрану. Солдаты по команде сбились в нестройные колонны и с дробным топотом скрылись в тумане.

Больше ничего в башне и вокруг нее не происходило.

– Куда пропали советники? – недоуменно спрашивал Викланд, спускаясь по крутой лестнице следом за шатающимся от усталости и голода Несговоровым. – Мне кажется, они заслужили показательную экзекуцию... Не слишком кровавую, конечно, без топора и без кнута, но взять их под стражу и судить по закону следовало бы, нет? Иначе у людей наступит разочарование, они начнут подозревать губернатора в сговоре и в следующий раз уже не так охотно пойдут защищать демократию. Какие у вас ощущения? Впрочем, я догадываюсь. Вы бы не отказались от чашечки кофе!

– Почему бы вам и в самом деле не пригласить нас в миссию на чашечку кофе? – снизу нахально перекликнулась с ним Маранта. – У вас ведь в конторе найдется кипятильник?

– Кипятильник? Да-да, это было бы приятно... – пробормотал Викланд с сомнением. – Но мне придется собрать коллег, чтобы обсудить работу в новых условиях. Боюсь, на кофе с вами уже не остается времени...

– Чем бы дело ни кончилось, вам не в чем себя упрекнуть, – тихо сказала Маранта Несговорову, поднимая к нему утомленное, с синими подглазницами лицо. – Сейчас вернетесь к Даше, выпьете с ней чаю... Своего, из чистых кружек...

Когда вышли со двора и, встав на углу, молча смотрели друг на друга, не решаясь расстаться (сонному Несговорову эта минута показалась сладкой вечностью, и он успел поверить, что она никогда не кончится), Маранта испуганно вскрикнула:

– Смотрите, кастрюлю сперли!

И устремилась в развевающимся парике (забыла снять!) туда, где вчера стоял котел со свечами и гвоздиками на нем. Раздосадованный Викланд поплелся за ней и уже издалека, вспомнив про Несговорова, с казенной улыбкой на лице помахал ему рукой. А Маранта крикнула на прощанье:

– Вечером приходите на концерт!

Но и у нее вышло формально.

Трамваи не ходили. Одолев пешком некоторую часть пути (как много, он и сам бы не сказал: сонное сознание куда-то западало, время текло неравномерно), Несговоров почувствовал острую нужду и решил справить ее в глухом переулке. Отошел подальше от проспекта, пристроился у высокого забора, нацелился на снежный бугорок, чтобы было чем заметить следы. Огляделся для порядка. Вокруг никого не было. Прямо перед ним над забором выступал из тумана зловещий дом с лепными капителями полуколонн и каменными трубами на крыше... Несговоров содрогнулся. Он никак не думал оказаться возле этого дома, забрел сюда случайно, со стороны двора. Однако менять позицию было поздно. Нечаянное соседство даже понравилось: в Несговорове разыграл трагический дух, перенятый ночью от Маранты. Снег, испещренный бестолковыми пунктирными зигзагами наподобие следов петляющего зайца, углубился желтой лункой, а в лунке этой что-то зачернело.

Уже оправившись, Несговоров, прежде чем подсыпать ногой снегу, присмотрелся к обнажившемуся предмету. И отпрянул в ужасе.

Невольно взгляд его скользнул дальше. Такие же, почти уютные в могильной неподвижности продолговатые холмики возвышались на небольшом расстоянии один от другого ровной чередой вдоль всего забора. Откуда эти трупы? Кто стащил их в одно место, уложил в ряд и присыпал снегом? Что собираются с ними делать?

Несговоров кинулся назад к проспекту, туда, где могли встретиться люди, в надежде кому-нибудь поведать о страшной находке. Бежал, поминутно оглядываясь, словно надеясь, что холмики эти – сон, мираж, который вот-вот исчезнет, – и с размаху налетел на что-то стальное.

Первое, что Несговоров разглядел, опомнившись, – это наставленное на себя дуло. Рядом с лицом при исполнении, державшим в руках автомат, зачем-то стояла воткнутая в снег широкая лопата. Несговоров поднял глаза – и узнал вчерашнего рябого стражника.

– Их надо... откопать, – пробормотал Несговоров первое, что попало на язык, делая нервную отмашку в сторону забора. Он уже догадывался, что влип во что-то страшное.

– Здесь нельзя находиться! – сказал рябой с тем же каменным выражением, с каким вчера в накопителе требовал освободить проход.

– Вы знаете, что там, под снегом, лежат мертвецы?..

– Проходите, не задерживайтесь!

В голове Несговорова все смешалось. Его отпускают? Не думая уже о тех, кто лежал у забора, он послушно двинулся дальше, не оглядываясь, все убыстряя шаг, ожидая пули в спину. Пристрелят, положат рядом с другими и засыпят – никто ни о чем не узнает. Смерть стала привычна, люди гибнут как бездомные собаки. Даша, конечно, хватится, начнет искать, но кто будет слушать ребенка? Требуются огромные сила и власть, чтобы заставить их пошевелиться.

Несговоров собрал последние силы и тяжело побежал по рыхлому снегу, делая большие скачки, как раненный зверь. И только вылетев на проспект, весь мокрый, с липким привкусом металла во рту, позволил себе оглянуться.

В глубине переуллка, где он только что столкнулся с рябым, обыкновенный дворник мирно чистил дорогу.

Несговоров прислонился к фонарному столбу. Его тошнило. Он попытался сплюнуть, но густая слюна вожжой повисла до земли, и он не знал теперь, как от нее избавиться...

В этот момент чья-то тяжелая длань упала ему сзади на плечо.

Несговоров метнулся в сторону. Изготовился из последних сил дать отпор.

Перед ним, свесив руки-плети, стоял Щупатый.

– Ну, ты развоевался! Тебе что, ночи мало было?

Пошли в сторону колледжа рядом. Несговоров надеялся, что Щупатый отстанет, свирепо молчал.

– Это твой мужик на театре висит? – спросил Щупатый насупленно.

– Мой.

– За мужика тебе спасибо. Ему бы еще морду Кудряшова на одно место прилепить.

Несговоров не отвечал.

– Ты, наверное, обиделся, я тебе наговорил всякого, – неуверенно продолжил Щупатый. – Забудь про Асмолевского, ладно? Ну, что я оставался у него тогда и все такое. У меня с ним все кончено. Забудь, как человека прошу!

– Что ж тут забывать? Тут и забывать нечего, – пробормотал Несговоров. – Мне бы другое забыть...

– Маранту, что ли? – спросил Щупатый, повеселев. – Она знаешь кто? Давно хотел тебе сказать, да все как-то... Кудряшовская подстилка, вот кто! Приезжала на гастроли с еврейским театром и осталась тут. Он ей сразу трехэтажный особняк отвалил. А этот козел, директор театра...

– Козел?

– Ну, да. У него и фамилия Козлов. Так он ее в штат брать не хочет, почему – сам знаешь. На этой почве они с Кудряшовым в последнее время были на ножах. Ты с ней поосторожнее, с Марантой этой...

Несговоров слушал и не слушал. Глядел прямо перед собой. Туман рассеялся, даже слабое солнышко выглянуло. Вот девочка-подросток сидит на ворохе узлов, сердитая, прямо вся пунцовая от стыда и гнева...

– Даша!? Ты почему здесь?..

– Ну, я пошел к себе, – сказал Щупатый, вбирая голову в плечи. – Не забудь про уговор!

– Я все собрала, – торопливо оправдывалась Даша, будто ожидая упреков. – Все! Только ящики пустые оставила, на которых ты спал.

Не теряя лишних слов, Несговоров рванулся в подъезд и взлетел по лестнице. Дверь комнаты была снята с петель, внутри двое рабочих под присмотром завхоза выковыривали ломом доски пола.

– Девчонка хотела унести кровать! – весело сообщил Аршак Манвелович, выводя Несговорова под локоток на площадку. – Я говорю – не-ет, кровать казенная! А так все, вроде, собрала. Толковая девчонка. Тебя-то где носило?..

Внизу Щупатый настороженно выглядывал в щелку двери.

– Пристроишь у себя на время наш скарб? – попросил Несговоров. – Я пойду к прокурору. Они творят беззаконие.

– Земляк, это бесполезно! – сказал Щупатый. – Меня тоже предупредили, лавку закроют через месяц. Повсюду идет реконструкция старых зданий. Скоро ты наш город не узнаешь! Извини, земляк.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

Даша встретила Несговорова с раскрытым от возмущения ртом. Кажется, она довольно натерпелась со сборами и ожиданием, чтобы хоть теперь не оставаться одной! Тяжелая работа и самостоятельные решения, которые пришлось принимать этим утром, придали ей уверенности в себе, и к дяде она стала относиться слегка покровительственно.

– Берем такси и все возем к Маранте! – заявила она тоном, не терпящим возражений.

– К Маранте? – с изумлением переспросил Несговоров. Как будто Даша слышала их вчерашний разговор на лестнице! – Но... У меня нет адреса.

– Эх ты, тормоз.

– И денег нет на такси...

– Так были же деньги?

– Вчера были, а сегодня нету. Да мы и так дотащим, не горюй!

– Куда тащить-то собрался?

– А в театр! Там есть большой чердак. Я теперь знаю, как туда пройти. Пока вещи там полежат, а после что-нибудь придумаем. Маранту найдем... Годится?

Даша выпятила губки, раздумывая. Махнула рукой:

– Что с тобой будешь делать! Годится.

Пришлось ей снова сидеть и караулить: за одну ходку было не управиться. Несговоров втиснулся в подошедший трамвай с четырьмя большими узлами (что в них, даже не интересовался; машинально отметил на оставшейся под присмотром Даши горке вещей свой незавершенный холст на подрамнике, заботливо упакованный в одеяло, но и к нему отнесся холодно, как к ненужному хламу) и скоро был на площади. На самый верх по узкой крутой лестнице заталкивал тяжелые узлы по одному, помогая себе головой. Сбросив ношу на очищенном с вечера пятачке возле окна, где еще недавно с упоением трудился над «Человеком огня», наткнулся взглядом на оставшуюся от ужина банку, вспомнил Маранту, и больно защемило сердце...

По дороге к Даше купил с лотка возле остановки два черствых бублика. Таяли последние рубли. В этот раз в трамвай погрузились оба, подпирали собой шаткую пирамиду багажа на задней площадке и жадно глотали сухие куски. Несговоров боялся, что их засекут возле черного крыльца или на лестнице, не пропустят на чердак, где уже лежала добрая часть скарба, и – ни туда, ни сюда; но пронесло и в этот раз. А какую занятную картину они являли для стороннего наблюдателя, пересекая площадь со своими тюками и мелочевкой, какой шум поднимали в помещении! По театру носилась уйма народу, но все были заняты подготовкой к вечернему торжеству, это-то, наверное, и выручило. А охрану в ожидании высоких гостей выставить еще не успели.

Сложив вещи и обтерев вспотевшие лица, налегке отправились вниз. Несговоров считал необходимым посетить прокуратуру. Пошли вместе, потому что еще в трамвае поклялись друг другу больше ни при каких условиях не разлучаться.

Прокуратура занимала двухэтажный малиновый особняк на углу площади, наискосок от театра. Место было тихое, да и само учреждение популярностью не славилось. Когда Несговоров с Дашей вошли в дверь, вахтер как раз пришивал пуговицу к брюкам. При виде посетителей грозно поднялся в приспущенных штанах, стал допрашивать: кто их вызвал, где повестка?

Этот парень привык быть здесь первой и последней инстанцией. Несговоров решил на отчаянный ход:

– Недалеко отсюда под снегом лежат трупы. В преступлении замешаны большие фигуры. Я буду говорить только с прокурором.

Упоминание о трупах подействовало – в народе об этом, похоже, были наслышаны.

– Второй этаж налево, – проворчал вахтер, сосредоточенно ища потерянную в недрах штанов иглу.

В приемной грузная женщина с тяжелым серым лицом, похожая на тумбу, пудрилась перед зеркальцем. На черной двери, ведущей во внутренние покои, висела табличка с надписью: «Прокурор Постила Э. Г.»

– Кто вас пустил?!

– Постила знает, его предупредили, – соврал Несговоров, продолжая следовать выбранной тактике.

– Выйдите отсюда! Сейчас охрану позову!

– Ваша охрана еще не пришила пуговицу и гуляет без штанов, – сказал Несговоров. – Хорошо живете! В двух шагах от горы трупов. Где прокурор? Я хочу его видеть!

– Кто там развонялся? Впусти! – прозвучал из-за двери резкий голосок.

– «Его»! – передразнила тумба изумленного Несговорова и рывком распахнула черную дверь.

В глубине большого мрачного кабинета за столом сидела миловидная девица со взбитыми на голове кудряшками. На вошедших не глянула, словно все на свете люди были ей знакомы и давно наскучили. Сесть не предложила.

– Что случилось? – спросила отрывисто.

– Я художник... – начал Несговоров.

– Вижу, что не Иванов! – грубо схохмила Постила, упорно разглядывая свои ногти. – Ближе к делу.

– Нам негде жить! – отчаянно вскрикнула Даша, потеряв надежду на растерявшегося дядю.

– Так-то лучше, – сказала Постила.

Она раскрыла лежащий перед ней grossбух и круглым школьным почерком написала, громко пришепывая: «Жи-лиц-ный во-прос».

– Собственно, жилье у меня было... У нас. – Несговоров поправился, не вполне четко представляя себе, с какой стороны эта ситуация более убедительно выглядит перед законом. – До вчерашнего дня. Вчера завхоз колледжа привел двоих, они что-то говорили о реконструкции... А сегодня нас выгнали на улицу. С вещами.

– Клево! – ухмыльнулась Постила. – Значит, на выход, с вещами?.. Окса-ан!!! – вдруг истошно завопила она, заставив Несговорова и Дашу отшатнуться. – Соедини-ка меня с администрацией!

Через минуту в дверях возникла тумба.

– Асмолевский? – спросила ее Постила.

– Не-а. Касаткина.

Постила скорчила гримаску, но трубку все-таки подняла.

– Маргарита Разумовна, здравствуйте! Чувствую, у вас отличное настроение. Наверное, все в жизни удастся? Маргарита Разумовна, у меня сидит художник, его сегодня утром... Да, да... Маргарита Разумовна, это не играет роли! Закон один для всех. Элитные квартиры? Кто этим занимается, Негробов? Ах, с ним Кудакин... Ну-ну.

– Дерьмо на палочке, – буркнула Постила себе под нос, бросив трубку. – Вы говорили с Кудакиным? – спросила Несговорова.

Тот напряг память.

– Это такой... заношенный?

– Скорей уж занюханный, – фыркнула Постила. – Оксан, они собираются строить в общезжитии колледжа элитные квартиры! На двух уровнях, с саунами! Представляешь? А жильцов выбрасывают на улицу. И эта Рита еще отсылает меня к Кудакину! Можно подумать, он знает законы лучше меня.

– Дерьмо на палочке, – понимающе согласилась тумба. – Кому хоть квартиры-то?

– Негробов должен знать, он тоже там был... Свяжи с ним, а? ...Негробов? Привет. У меня тут выселенные с жалобой на тебя. Да, художник, и с ним... А, понятно... Понятно... Хи-хи-хи-хи, – залилась Постила мелким смешком. – Слушай, Негробов... Через два года? А чего так долго? Может, я прямо сейчас хочу. Нет, серьезно! Ты нашу заявку-то не забыл? Смотри. Если что, шкуру спущу. Ладно, ништяк. Бай-бай.

– Пообещал через два года, – сказала Постила тумбе, внимательно слушавшей разговор от двери.

– Две?

– Две.

– Обманет, – предположила тумба.

– Да я его живьем съем, засранца! – заверила Постила. – Они все у меня на крючке.

– Кроме Асмолевского. Тот осторожный.

– Ха! Осторожный. Да он просто мокрушник! Видела бы ты вчера...

– Значит, вы знаете про убитых? – встрепенулся Несговоров. – Как это случилось? Кто-нибудь ведет расследование?..

Тут Постила впервые подняла на него глаза. Трудно было ожидать от смазливой молодой женщины такого хищного взгляда исподлобья.

– Вы все-таки насчет жилья или по другому вопросу? – ехидно уточнила она. – Если по другому, давайте займемся другим. Я не против.

– Мы насчет жилья! – торопливо заверила Даша, предостерегающе впиваясь в руку дяди ноготками.

– Простите, – повинулся Несговоров.

– Ничего. Не стоит упоминания, как говорят штатники. Вам надо встретиться с Кудакным. Негробов утверждает, что вы вчера добровольно подписали отказ от жилплощади... Учитывая некоторые щекотливые обстоятельства...

– Щекотливые обстоятельства?

– Ну да. Ведь вас застали в одной постели с несовершеннолетней.

– Послушайте!..

– Я передаю то, что мне сказали. Еще раз говорю, повидайтесь с Кудакным и потребуйте от него копию бумаги. Если ваша подпись подделана, он будет отвечать.

– А мы?..

– Вы по суду вернете себе жилье. Или, раз уж там все сломали, вам должны предоставить другое равноценное. Придется походить, дело не быстрое.

– Спасибо, – промолвил Несговоров задумчиво.

– На здоровье. Не стоит упоминания. Заявленьице-то напишите.

– Что?..

– Вы все-таки у меня на приеме побывали. Пригодится. Окса-ан! Ты на концерт пойдешь?..

У Несговорова кончалось второе – или которое там по счету? – дыхание. Больше всего он хотел дотащиться до чердака, рухнуть на узлы и уснуть мертвым сном. Стужа не пугала: с минувшей ночи он так назаябся, что чувствовал себя кем-то вроде рыбы или лягушки – влажным, скользким и ледяным... Даша молчала, ни в чем дядю Вадика не винила, но уже ни на кого кроме себя, похоже, не рассчитывала; между ее бровей пролегла печальная мудрая складочка.

Площадь перед театром была запружена нарядными людьми. Сверкающие черным лаком машины подвозили все новых гостей. В стороне вопросительным знаком маячила долговязая фигура в драповом пальто и теплом шарфе.

– Вы тоже пришли на праздник? – смущенно спросил Викланд, узнав Несговорова. – Здесь, говорят, будет весь бомонд? У меня пригласительный билет фри ов чардж... Как это по-русски? Бесплатно, но пожертвования принимаются.

– Пожертвования? Для семей погибших?

– Как вы сказали?.. Ах, это шутка! Да-да. Мы с вами провели славную ночь. Это не забудется. У меня такое было в конце шестидесятых, когда я только поступил в университет... Мы воевали с полицией! Забаррикадировались в аудиториях и поливали их сверху из брандспойта. Да. Потом нам отключили воду. Но мы дня три или четыре еще держались, для кофе сливали воду из отопительных батарей. Веселое время было... Как у вас сейчас.

Викланд за разговором распрямился и приосанился. Видно было, что ему приятно вспоминать свою бурную юность.

– По моим ощущениям, она уже не придет, – пробормотал он, близоруко поднося к глазам часы. – Вы не видели Маранту? Возможно, она прошла через служебный вход. Гм. Придется ориентироваться самому. У вас есть билеты? Нет? В моем пригласительном записано «второе лицо». Этим лицом могли бы стать вы, да?

– Со мной племянница, – сказал Несговоров. – Теперь мы с ней неразлучны.

– Да-да. Это очень трогательно.

– Дядя Вадик! – зашептала Даша страстно. – Там будет Маранта! Там будут Кудакин, Негробов и все они! Тебе ж надо повидаться с Кудакиным! Попроси Маранту, пускай она поможет нам!..

Несговоров заколебался. Окунаться в беспечную разряженную толпу, неизвестно что празднующую, – ему, измученному бессонницей и заботами, давно не мытому, в грязной одежде! Это казалось совершенно, совершенно невозможным. Но, с другой стороны, уникальный шанс (тут Даша права) пообщаться в неформальной обстановке с людьми, от которых зависит его и Дашина судьба. После придется месяцами обивать пороги приемных, только чтобы попасть к какому-нибудь Кудакину... И Маранта! Она же позвала их к себе жить, при этом почти согласилась на глупое, самонадеянное условие Несговорова! О, если бы вчера во время разговора с ней он знал, что случится сегодня, то был бы куда осмотрительнее... Но она не сказала «нет» и сегодня может сказать «да»!

– Дядя иностранец, подождите! – окликнула Даша удаляющегося Викланда. – Ну же, ну! – нетерпеливо подталкивала она Несговорова.

– Но мы решили не расставаться! – сказал Несговоров. – Вспомни, сколько всего ты утром без меня пережила...

– Дядя Вадик, это нам сторицей вернется! Сторицей! Ничего мне не сделается, разберу пока вещи, разложу постели... Я же буду совсем близко, тут, наверху! Ну пожалуйста!..

Чутье (единственное, что еще работало) подсказывало Несговорову, что нельзя поддаваться соблазну и бросать ее одну. Но – поддался, уговаривая себя, что идет на это ради ее же блага.

В фойе сновали ряженые в масках и дурацких колпаках. Миловидные разносчицы в кружевных передничках предлагали морсы и мороженое. Несговоров с тоской подумал: Дашу бы сюда вместо него! Она так любит яркие представления, пышные церемонии, так была прошлый раз взволнована...

Викланд потерялся в толпе возле гардероба. Несговоров заметил за колонной телекамеру, возле которой мелькнуло несколько отдаленно знакомых лиц. Подошел ближе.

– Сегодня мы атакуем видных политиков города, задавая им единственный, но самый важный вопрос: что будет значить для всех нас эта победа? – говорила в микрофон рыжая ведущая. – Едва ли надо представлять нашим телезрителям Нину Мордуховну Биргер, возглавляющую Департамент культуры, кино и исторического наследия губернской администрации. Пожалуйста, Нина Мордуховна!

Свет упал на пожилую низкорослую женщину с багровыми щечками. Несговорову показалось, что он ее где-то встречал. Пока рассеянная память наводила мосты, глаза сами искали привычное дополнение – и нашли: неподалеку стояла ухоженная молодая дама, затянутая в серебристое вечернее платье, мило улыбаясь всем, кто с ней раскланивался. Только тут Несговоров вспомнил, где видел обеих: в этом же фойе четыре дня назад, рядом с Марантой!

– Ни у кого не должно быть сомнений, что минувшей ночью мы пережили событие знаменательное, если не сказать эпохальное, – с апломбом говорила перед камерой Биргер, по привычке высоко задирая голову. – Терминология нас, интеллектуалов, нередко подводит, но я бы рискнула и назвала происшедшее...

– Моего бесценного Джека убили и сожрали у меня на глазах, – послышалось за спиной Несговорова. Голос говорившего заставил его вздрогнуть. – С потрохами! Разорвали живьем в накопителе!

– Что-то не заметно, чтобы вы особенно печалились, – возразил другой голос.

– Как говорят в народе, нужно играть не чувство, а борьбу с ним...

Пока сонный Несговоров успел среагировать и развернуться, собеседники отошли, и ему осталось лишь гадать, кто из двух удаляющихся солидных мужчин в черных костюмах был

Кудряшовым и Кудряшов ли, вообще, это был. Но взгляд совершенно случайно наткнулся на другую пару: в углу за искусственной пальмой стояли и беседовали о чем-то Асмолевский с Кудакиным! Кудакин размашисто жестикулировал, то и дело хватая собеседника за пуговицу строгого, на френч похожего пиджака. На лице у Асмолевского гуляла кривоватая ухмылка. Несговоров устремился к ним.

– Я из старинного судейского рода! – убеждал Асмолевского Кудакин. – Моего прадедушку так и звали: Куда-Кинь. Куда ни кинь, все клин! Хе-хе. Ушлый был старик. Оттуда и фамилия пошла...

В этот момент в угол ударил сноп света такой силы, что Несговоров подпало затылок и он на секунду ослеп.

– Настоящая сенсация этих бурных дней – появление яркого лидера, каким показал себя Валентин Аркадьевич Асмолевский, личный секретарь губернатора! – ликующим голосом провозгласила рыжая. – Мы давно ждали молодого политика-реформатора, и вот он явился. Для многих – к полной неожиданности. Но те, кто имел счастье наблюдать Асмолевского раньше, видеть его тихую работу, могли все это предсказать. Просто Валентин Аркадьевич очень скромный человек... Валентин Аркадьевич, мы знаем, какой нелегкой выдалась для вас эта ночь. Вы держались молодцом. И все-таки, если честно: вас посещали минуты растерянности, отчаяния, когда казалось, что еще немного – и силы реванша сомнут не слишком еще опытных защитников свободы?..

Перед камерой Асмолевский преобразился: расправил плечи, откинул голову, надул щеки; кривая желтозубая ухмылка превратилась в вальяжную снисходительную улыбку; он уже открывал рот для ответа... Несговоров пронырнул под камерой и обошел цветочную кадку с другой стороны, чтобы перехватить Кудакина. Вдалеке приметил обвислый пиджак, похожий на кудакинский, ринулся было туда – и едва не сбил с ног даму в серебристом платье.

– Простите ради Бога, – повинулся он, стоя перед ней в понурой позе. – Я бежал за Кудакиным...

Он впервые видел давешнюю собеседницу Маранты так близко. Она была в обществе напомаженного и прилизанного субъекта с узкими раскосыми глазами, также показавшегося Несговорову знакомым.

– За Кудакиным?.. – изумленно переспросила дама. – А я вас помню! Помню-помню! Вы друг нашей милой цыганочки!

– Цыганочки?.. – Теперь пришла очередь Несговорова удивляться.

– Ну да! А вы не знали? Такая девочка, просто прелесть! – принялась она расписывать своему спутнику, но тут же спохватилась. – Тьфу ты, кому я говорю! Ведь это вы, Марат Сафарбеевич, выпустили ее на сцену!

Бесстрастный Марат Сафарбеевич молчал, лишь тонко улыбался, изучая Несговорова глазами-щелками.

– Да, цыганочка, – повторила дама. – Она малышкой отстала от табора, кто-то ее здесь в городе подобрал... Да какое это все имеет значение: предрассудки, сплетни... Фу! Гадость. На каждый роток не накинешь платок. Лишь бы танцевала хорошо, да, Марат Сафарбеевич?.. А вам что от Кудакина нужно?

У этой женщины была цепкая хватка. Вопрос прозвучал властно, не отвертисься.

– Из-за него я лишился квартиры, – откровенно сказал Несговоров. – Кудакин обманом выгнал меня с племянницей на улицу, подделав мою подпись на какой-то бумаге.

– А, так вы... – Дама собиралась что-то выпалить, но быстро прикрыла рот ладошкой. – Вы без квартиры? Милые, ну как же так можно. Представляете, Марат Сафарбеевич, они без крыши над головой! Я видела вашу племянницу, шустрая девчонка. Прямо не знаю, чем вам помочь... Скажите, не вы мастерили плакат с горящим человеком?

– Я, – живо откликнулся Несговоров с тайной надеждой.

– Уж очень страшный. Сейчас повсюду одни ужасы, я этого не люблю. Мой вам совет: снимите поскорей!

– Что? Снять?!..

– Конечно! Потапу Степановичу это не понравится. Он не поймет, что вы хотели сказать. Слишком аполитично. У вас в голове такая каша, мне просто страшно за вас. Снимите!

– Да кто такой Потап Степанович, чтобы...

– Боже! Святая простота! Он не знает Потапа Степановича! – расхохоталась дама, держась за Марата Сафарбеевича, чтобы не упасть со смеху. – Завтра я обязательно ему скажу: был на торжествах один чудака, который про вас ничегошеньки не слышал! Ох, ха-ха-ха! Да губернатор это, дорогуша, отец наш родной! Тот самый, который все это заварил и праздник нам устроил. А я Маргарита Разумовна, будем знакомы!

Несговорову показалось, что это имя он где-то слышал, причем вместе с фамилией: то ли Рыбкина, то ли Птичкина. От Щупатого? Или от завхоза?.. Все в голове перепуталось.

– Так не забудьте, снимите плакат! Марат Сафарбеевич выделит вам помощника. Да, Марат Сафарбеевич?

Прозвучал второй звонок, все потекли в зал.

Несговоров сел в партере на предпоследнем ряду с краю, чтобы можно было в любое время уйти, никого не потревожив. Марат Сафарбеевич – а это был директор и художественный руководитель театра Марат Козлов – поднялся на сцену и открыл праздничный вечер. Мы отмечаем победу демократии, сказал он, и сегодняшний концерт-экспромт тоже будет демократичным. Наряду с известными мастерами культуры на сцену выйдут самодеятельные поэты, певцы, юмористы из числа героев минувшей ночи.

– В России художник не может развиваться нормально, от детских фантазий к профессиональным грезам. Плавно и продуктивно. – К уху Несговорова склонился незаметно подсевший Викланд. – У вас много обрывов. Чтобы просто выйти на сцену, вам сначала нужно стать солдатом революции, нет?

– Мне кажется, от художника везде требуется подвиг, – серьезно ответил Несговоров. – Где бы он ни жил. Художника вне подвига не может быть по определению.

– После подвига от человека мало что остается! Это шутка. У вас есть безумно талантливые люди, но почти все они непрофессиональны и истеричны... Да? Надрывны!

В зале погас свет. На сцене стала разворачиваться балетная феерия. Несговоров услышал такты знакомой мелодии и разом ожил. Все его чувства обострились, по спине заранее побежал холодок...

Радость оказалась преждевременной. Номер сильно урезали. Не было пролога с порханием бабочек. Отсутствовала груда трупов в лучах зари. Осталась только мажорная часть – и какой мажор! Вот люди идут на штурм, карабкаясь по веревочным сеткам. Но это не серая толпа, облаченная в лохмотья, как прежде, – это крепкие, хорошо обученные солдаты в униформе. Они действуют слаженно и помогают друг другу. Затемнение скрывает от зрителей итоги битвы. В следующей картине появляются празднично одетые горожане. Звучит победный марш. Навстречу выходит полковник с орденами на груди. В руках у него большое ружье. То самое... Люди почтительно склоняются перед бравым воякой. Становятся полукругом. Почти все как в прошлый раз! Глаза Несговорова лихорадочно ищут Маранту. Но ее – нет. Полковник высоко поднимает ружье, предлагая его народу, и все с готовностью тянут руки. Белобрысая девушка с длинными жидкими волосами оказывается резвее других, подпрыгивает на жилистых ножках и завладевает оружием. Но и остальные не в обиде. За спиной полковника два солдата выволакивают на сцену целый ящик винтовок... Звучат заключительные громовые аккорды. Опускается занавес. Зал рукоплещет.

– Губернатор поступил, я считаю, мужественно, – сказал Викланд, хлопая со всеми. – Но он слишком стар, нет? Ему может не хватить порошу довести начатое до конца? Какие у вас ощущения?

Несговоров откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

– Как хорошо, что здесь ее не было, – невпопад пробормотал он.

– Вы про Маранту? Да-да, ведь она выходила в этой сцене!

Викланд больше ничего не сказал, но у Несговорова больно стеснило сердце. Невозможно было представить Маранту участницей этого пошлого угоднического спектакля, но и ее отсутствие, никак не объясненное даже Викланду, с которым она договаривалась о встрече, не сулило ничего доброго. В голове Несговорова витали предположения одно мрачнее другого.

– Они изгоняют всякие упоминания о бойне, – тихо сказал он Викланду, не открывая глаз. – Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы вы это знали и добились огласки. Утром я видел много убитых, присыпанных снегом. Возле дома Асмолевского. Их нужно опознать и провести расследование.

– Но советники, как мне говорили, покинули башню добровольно! – возразил Викланд. – Губернатор предложил им деньги. По пять тысяч долларов. Вы слышали? Это интересно.

– Все-то вам только интересно! – горько вымолвил или только подумал Несговоров, куда-то проваливаясь...

– Да-да, но это, по моему, не совсем обычные стихи!

Несговоров сделал над собой усилие и разомкнул глаза. Со сцены заканчивал декламировать Щупатый:

*...Тихо теплится в теле заброшенном
Голубое мое естество,
А душа, будто конь заполошный,
В каждом всаднике чует родство!*

– Звучит трагически, нет? – прокомментировал Викланд. – Моя интуиция подсказывает, что у этого молодого человека с кем-то не сложились отношения.

– Откуда он взялся? – воскликнул Несговоров. – Что тут, вообще, происходит?

Следом за Щупатым на сцену поднялся известный юморист с мясистым носом. Он только что прилетел издалека, прервав зарубежные гастроли, торопился. Ему хотелось надеть бескозырку, обвязать себя пулеметными лентами и лично ворваться в кабинет Кудряшова с гранатой в руке. В бескозырке! С лентами на груди крест-накрест! С гранатой! А затем, когда этот подвиг на века запечатлят фото- и кинокамеры, отложить гранату, приспустить штаны и... И? И нассать в кудряшовскую чернильницу!

Зал грохнул.

За юмористом вышла девушка в голубой шляпке с бантом, снова кого-то Несговорову напомнившая. Ломаясь, она не слишком правдиво представила завистливую нищенку-попрошайку. Похлопали и ей, сочувствуя замыслу.

Местная рок-звезда в розовом трико маршировала по сцене строевым шагом и кричала: «У-у-у! Я вас всех люблю-у-у!». А когда она затянула:

*Чтобы не было грустно,
Порубаем в капусту... —*

зал поднялся. Несговоров, правда, остался сидеть, но Викланд, испытывая понятную неловкость, на секунду оторвался от кресла. В первом ряду Маргарита Разумовна вытерла платочком глаза. Асмолевский вытянулся по стойке «смирно», как на параде.

После еще выступали барды с суровыми песнями о диссидентском прошлом, какая-то бабулька отмолила народную пляску с частушками (все про того же Кудряшова), затем пел детский хор... До Несговорова происходящее на сцене доходило редкими проблесками, его снова поглотила неодолимая трясина сна. Временами сон перепутывался с концертом. Ему чудилось, что Маранта играет на сцене бойкую нерадивую служанку, посадившую на его, Несговорова, рубашку жирное пятно и тараторящую по этому поводу с Викландом:

– Если он будет еще беситься и ныть, скажите ему... А, вот и он. Здравствуйте. Меня зовут Боба. Это я посадила на вашу рубашку пятно и не смогла его отстирать.

– И что, у нас в России никто не может?... – интересовался Несговоров.

– Нет. У нас в России все такие как я, Боба.

Несговорову стало смешно, он прямо во сне громко расхохотался и очнулся радостный, часто моргая залипшими глазами, чтобы успеть застать Маранту на сцене и больше не терять из вида. Но сцена, к его огорчению, оказалась пустой и темной. Зал тоже успел опустеть наполовину, публика скучилась у выходов.

Рядом в проходе стояли Викланд со Щупатым.

– Нет, скажите, вам правда понравилось? – нудно спрашивал Щупатый не в первый, как видно, раз.

– В Европе готовится к выходу сборник русских авторов нетрадиционной ориентации, – деликатно толковал ему Викланд. – Творчество сексуальных меньшинств вообще вызывает в мире повышенный интерес, а в ваших условиях особенно... Из этого едва ли получится бестселлер, нет. Поэзия на Западе мало продается. Вы не станете богатым. Но стоит попробовать. Рукопись можете передать позже, через господина Несговорова... Вы ощущаете притеснения со стороны властей, общества? Дискриминацию? Какие-то неудобства?

Щупатый метнул на Несговорова победный взгляд.

– Нет, – сказал он. – Раньше что-то такое было. С сегодняшнего дня – нет. Вы правы, я переживаю трагедию, но она скорее личного, чем политического свойства...

– Безответная любовь?

– Да не безответная любовь! – огрызнулся Щупатый. – Кому ни объясняешь, никто не врубается. Все дело в заскорузлости нашего сознания. Даже самые передовые из нас, ну кто горой за либеральные ценности и все такое, – они тоже зажаты и боятся своего тела, своих желаний, понимаете?

– Вы можете об этом написать? Мы дадим к вашим стихам авторский комментарий.

– Конечно, могу! Кое у кого не хватает храбрости для любви. Я впервые говорю об этом откровенно, потому что вижу в вас человека из свободного мира...

– Да-да, спасибо. Кажется, пора идти? – Викланд поспешно кивнул и быстро зашагал к выходу на своих длинных ногах...

Несговоров вышел из театра одним из последних. Сразу шмыгнул в темный двор; кто-то, однако, успел его заметить, позади раздался топот. На полпути к цели, в узком проходе между мусорными контейнерами, его настигли двое.

– Мы из Ассоциации чистой любви, – заявил один знакомым мальчишеским голосом.

– Это не ко мне, – глупо ответил Несговоров.

– Вам повезло, сегодня в честь праздника наша фирма делает подарки, – сказал, не слушая его, второй, что был повыше и пошире в плечах.

– Цены снижены в три раза, – добавил первый.

– В четыре! – уточнил второй.

Несговоров нащупал в мусоре тяжелую доску с гвоздями и взял ее наперевес.

– Пошли, это бомж. – Младший сплюнул, увлекая напарника на площадь...

На лестнице Несговоров почувствовал себя почти как дома. Просунув голову в лаз, тихонько подал голос, чтобы Даша узнала его и не испугалась. Никто не отозвался. Сориенти-

ровавшись в темноте по окну, иногда светлевшему от запускаемых на площади ракет, Несговоров кое-как добрался до узлов, стараясь не шуметь. При новой вспышке разглядел на полу скрюченное Дашино тельце. До того умиралась, бедняжка, что уснула в чем была на голых досках, не разложив постель, и успела, конечно, озябнуть – стужа-то как на улице!.. Несговоров дернул один, другой узел, пробуя на ощупь, где лежат одеяла с подушками, отыскал нужный, в котором оказались сразу все постельные принадлежности – Дашина педантичность! – раскатал на полу возле девочки матрац, осторожно приподнял ее, посадил... Рука попала во что-то липкое, в нос ударил резкий запах. Несговоров чертыхнулся про себя, греша на вчерашний соус Маранты. Потряс Дашу за плечо, чтобы проснулась. Та не отреагировала. Он встревожился, толкнул посильней...

Тело безжизненно завалилось на матрац.

Несговорову удалось найти спички и огарок свечи, оставленные вчера Марантой возле окна. Дрожащими руками поднес беспокойный огонь к Дашиному лицу.

Мутные глаза девочки были полуоткрыты, изо рта стекала липкая струйка.

Несговоров неумело искал пульс. Рука показалась ему совсем холодной. Прижался ухом к груди, пытаясь услышать сердце. Принялся тормошить Дашу, звать, умоляя откликнуться, подать хоть какой-нибудь признак жизни. Если она еще по эту сторону черты, у него хватит сил ее вытащить. Иначе что вообще он делает на этом свете, зачем нужна его бессмысленная жизнь?

Он положил ее голову себе на колени, попытался разжать рот, чтобы передать ей свое дыхание...

Даша издала полустон-полухрип. И сразу захлебнулась рвотой с желчью и стала откашливаться.

Она жила! Жила, это главное. Теперь дело было за ним.

Глава седьмая.

Больница

Осатанелые торговки водкой накинулись гурьбой, едва только Несговоров с Дашей на руках вышел со двора на площадь. Вечер был прибыльным, подвыпившие люди платили щедро, бабы и сами наладились на радостях и теперь уже всем без разбору совали свой товар, отпихивая друг дружку.

– Пожалуйста, дайте пройти, – умолял Несговоров.

– Кудряшовцам пройти мешаем! – оскорбленно завопила одна из баб. – Ну никак кудряшницы не угомонятся!

Даша снова впала в забытие, отяжелела, голова склонилась Несговорову на плечо. Он прижимался давно не бритой щекой к покрытому липкой испариной ее лбу, боясь упустить слабую ниточку жизни. Последние автомобили, подмигивая в ночи фонарями, отъезжали от подъезда театра. Стройная женщина в короткой шубке возле распахнутой двери черного «мерседеса» махала кому-то рукой и посылала воздушные поцелуи.

У Несговорова не было определенного плана. Искать телефон и вызывать неотложку? Но уличные автоматы все сломаны, работающий телефон найдется разве что в театре, а туда не пустят: представление давно кончилось, двери закрыты. Да и не дождешься в праздничный вечер приезда неотложки. Ловить на шоссе попутную машину? Но ему нечем расплатиться, а за так никто не повезет. Трамваи в сторону больницы не ходили. Он брел по краю дороги, увязая ногами в сыром снегу. Временами его охватывала паника, и тогда он из последних сил прибавлял шаг, обливаясь потом и тяжело дыша. Хотелось просить помощи и совета у первого встречного, иметь хоть бы еще одну живую душу рядом...

Шелестя в снегу широкими шинами, вплотную обогнал и затормозил солидный лимузин.

– Что случилось? Скорее в машину!

Несговоров сразу узнал этот властный голос.

Водитель качал головой:

– Ну, Маргарита Разумовна, всегда вы подберете какого-нибудь несчастенького!

– Везет мне, Вовочка. У нее и страховки-то, поди, нет? – Она обернулась к Несговорову, уже протиснувшись на заднее сиденье. – И регистрации?.. Ладно, что-нибудь придумаем. Гони в больницу, Вова!

– Да ведь это крюк какой, Маргарита Разумовна!..

– Тебе-то что, милый? Ты на службе. Помалкивай давай.

– Да я так, я ничего... Еще заразу какую подцепим...

Возле больницы Маргарита Разумовна попросила Несговорова подождать ее в машине. Вернулась через несколько минут, показавшихся ему вечностью, сообщила:

– Я договорилась, вас примут. В случае чего сошлетесь на Касаткину. Запомнили? Касаткина! Бегите скорей, и чтоб все у вас обошлось, тьфу-тьфу. Отравилась чем-нибудь. Нынче такие продукты!..

– Я ведь так и не снял плакат, – зачем-то повинился Несговоров, на секунду задержавшись с Дашей на руках возле машины. Должно быть, он просто не придумал, как еще можно выразить благодарность.

– Еще успеете! Удачи!..

Узкий полутемный коридор: неровный бетонный пол, облупившиеся стены. Возле двери, из-под которой пробивается свет – каталка со стариком, накрытым одеялом. У изголовья склонился худенький мальчик. На полу корчится и стонет женщина в задравшемся пальто, при-

жимая к животу круглые голые колени. Возле фанерной скамьи полулежит выдавший виды мужик, с пьяной растерянностью смотрит на свои раздробленные ноги в набухших кровью штанинах...

Тут некого и не о чем было спрашивать. Но Несговоров все-таки спросил:

– Где оказывают первую помощь?

– Мы все туда, – тихо откликнулась детская фигурка. Это не был мальчик: на Несговорова смотрели затравленные, давно выплаканые глаза маленькой изможденной женщины с желтым лицом, судорожно прикрывавшей ладошками восковой череп старика на каталке – точно желая защитить его от нападения хищной птицы. Старик был первым; она стерегла его очередь.

Несговоров с Дашей опустился на скамью. С кем могла договориться Касаткина? С врачом?..

Шумно отворилась входная дверь; два санитара в стеганых ватниках проволокли по коридору человека со вспоротым животом; кишка его тащилась рядом, оставляя на бетоне кровавые зигзаги. Желтолицая тревожно подалась было навстречу, чтобы напомнить санитарам о своих первоочередных правах, – и сразу сникла, сморщилась, отворотилась в угол.

Окровавленное тело втащили в кабинет. Очередь оказалась на одного пациента длиннее.

Даша стала совсем неслышной. Несговоров нащупал губами трепещущую жилку на ее виске: биения куда-то уходили, делались реже и слабее. Все решали минуты. Если Касаткина договорилась о приеме, почему бы не войти в кабинет напролом, как санитары неотложки? Сколько там врачей? Может, они болтают, пьют чай и не догадываются, что здесь умирают люди? Касаткина большой начальник, они не посмеют отказать. Даже если она не говорила с ними, одно упоминание ее имени сыграет роль. Чего же он медлит? В жертву каким условиям готов принести родную Дашу? Кто ему мешает, эти? Потерявшая разум изнасилованная шлюха? Пьянчужка, по своей вине попавший под колеса? Старик, который все равно даст дуба?..

Несговоров видел обескровленное лицо старика с высоким лбом и породистым горбатым носом. Женщина по возрасту могла быть его дочерью или невесткой. Мужская кофта на узких опущенных плечах, грязные заношенные джинсы, стоптанные полусапожки... Весь ее вид выражал отчаяние. Казалось, ей было совестно перед стариком за муки безропотного и беспомощного ожидания у спасительной двери, но совестно и перед теми, кто был от этой двери еще дальше, чьи шансы на спасение отнимала в том числе и она... На Несговорова, как будто слыша его мысли, несущие угрозу, она то и дело бросала виноватые и умоляющие взгляды. И, чтобы самой избавиться от страха, твердила старику, оглаживая его голый череп:

– Ты только не волнуйся. Все будет хорошо. Только не волнуйся, ладно? Ладно?..

Не слишком убедительная, вымученная, с оглядкой на посторонних интонация вдруг натолкнула Несговорова на страшную догадку: не сумев в такой час уединиться со своим отцом (или кто бы он ей ни был, этот старик), чувствовать одного лишь его и для него одного жить, эта несчастная, скорее всего, обречена его потерять.

И тогда он перестал думать о том, чтобы войти без очереди. Он привыкал жить на больничной скамейке с Дашей совсем отдельной, независимой от окружающих жизнью. Строил крепкий кокон, спеша наложить один на другой все новые защитные слои, чтобы внутри непроницаемого мешка сконцентрировать их общее тепло и одну на двоих волю к жизни. Сосредоточенная работа, похожая на бесконечное наматывание тонкой нити. Однообразные движения челнока, весь этот монотонный усыпляющий процесс отняли у него чувство реальности, и он не заметил перемен, очнувшись от голоса, прозвучавшего как будто из иного мира:

– Это вам не кино. Жизнь безыскусна. Она всегда говорит: ведь ты сам этого хотел, сам все это себе устроил!

Чьи-то надежные руки бережно взяли у Несговорова Дашу. При ярком свете он видел широкоую белую спину склонившегося над ней человека и вновь слышал густой баритон:

– Но это со стороны жизни нехороший обман. Она дает человеку распорядиться только формальным ходом дел, а сама между тем управляет по своей прихоти чем-то более важным. Постоянно подставляет...

Несговоров осознал, что спит. Усилием воли он вернул свалившуюся голову на место и разлепил веки. На него с добродушным любопытством поглядывал человек, похожий на льва или большую обезьяну. Всклоченная шапка вьющихся седеющих волос, пышные бакенбарды, сросшиеся с широкими бровями, курчавая шерсть на руках вплоть до кончиков пальцев, до самых ногтей... Лишь тщательно выбритый подбородок сверкал белизной, как халат.

– Да... Даша? – скорее выдохнул, чем спросил Несговоров, ощущая ледяной страх в груди.

– Аритмия, – сказал врач. – У вас, не у нее. На почве астенического синдрома. Девочке промыли желудок, она спит в палате, через пару дней можно выписывать. Не таскайте ее по чердакам. Кормите хорошенько. Но жизнь планировать не легче, чем отношения с женщиной, правда? Начинается всякий раз с мечты, а кончается...

По щекам Несговорова скатились две слезы. Он зажмурился и заглотнул побольше воздуха. Перед его глазами поплыла картина очереди.

– Там еще одна по полу катается, – вспомнил он вслух.

– Вы что, серьезно полагаете, что я буду с вами трепаться, когда кто-то за дверью от боли катается по полу? – спросил врач. – У той женщины совсем не то, что вы подумали. У нее аппендицит. Приступ уже прошел, завтра прооперирую.

– А безногий?

– Безногий? Ну, что тут скажешь. Жить будет. Хуже с дедом, бедолага исчерпал все ресурсы. Денек под капельницей протянет, а там... Профессор, между прочим. Спецкурс по психологии нам читал, когда я еще в институте учился, копал глубоко – да разве мы, сопляки, в то время понимали? Это нынче все наружу вылезло... Я той стерве, что вас привезла, так сказал: принять приму, но в порядке очереди. Здесь для меня все равны, а с блатными обращайтесь в свою больницу. У вас ведь тоже поди-ка был соблазн открыть дверь кабинета ногой?..

– Откуда вы про все знаете?

– Классиков читать надо. Как не порадеть родному человечку? На себя-то можно и рукой махнуть, но уж о близком позаботиться, да о ребенке – святое дело! А рядом другие со своими близкими. Я ведь решил было, что вы из ихней камарильи, сверху спустились, теперь-то вижу... Больше вам скажу. Голени у того мужика были – просто месиво, но в спецбольнице ему, пожалуй, ноги бы сберегли. Несколько операций, с полгода лежать. Да кто его туда, голодранца, возьмет? А за кордоном бы и деду на годик-другой жизнь продлили, опять же не за бесплатно, конечно. Вот и оглядывайся по сторонам, человек, завидуй! Концов не найдешь. Сегодня помираешь от какого-то недуга в лучшей клинике, а завтра его любой деревенский фельдшер научится исцелять. Кого тут винить? Чему завидовать? Девочку-то вы спасли, не я же. Да вы сами знаете. Смерть побеждает там, где не находится теплых рук. Где человек ничто, повод, пешка в игре... Но это так, к слову. Смена моя кончилась, вот и болтаю. И вообще все было бы прекрасно, если бы...

– Если бы?

– Если бы утомительно длинную фразу «Береги платье снову, а честь смолоду» наши прагматики и минималисты не сократили до двух слов: «Береги платье!» Ложитесь-ка здесь на кушетке, я ухожу, запру дверь на ключ, до утра никто не потревожит. Вам надо отдохнуть. Мы все чувствуем себя на этом огромном пустынном пространстве затерянными и заброшенными, а вместе с тем такая убийственная теснота! Как тут не свихнуться?..

Проснулся Несговоров от холода. Часы на руке стояли. За окошком был день. Сначала он долго не мог понять, где находится, но постепенно восстановил в памяти события минув-

шей ночи. Потянулся на узеньком жестком ложе, с наслаждением ощущая вернувшиеся упругость мышц и ясность ума, даже здоровое чувство голода, и вскочил. На столике лежали ключи с запиской. Врач просил его запереть за собой дверь кабинета и отдать ключи в регистратуру, а также предупредительно сообщал, где найти Дашу. В конце стоял каллиграфический росчерк: инициалы М. И. – конечно же, Михаил Иванович, а фамилия почему-то – Волк.

Даша лежала у самой двери в большой, тесно уставленной койками женской палате. Увидев Несговорова, счастливо засияла, приподнялась было навстречу – но от слабости тотчас упала на подушку. Несговоров протиснулся к ней, присел в ногах и огляделся. Его появление произвело среди обитательниц разных возрастов маленький переполох. Одни с сердитым ворчанием тянули на себя простыню, торопясь закрыться; другие, поздоровей и помоложе, прихорашивались и строили глазки, сдавленно между собой пересмеиваясь. С соседней койки, в которую невольно уперлись его колени, с вызовом шурилась курносая, вся в веснушках, рослая девушка, лежавшая поверх одеяла в коротком халате.

– Я на минуту, – пробормотал Несговоров, смутившись.

– Да сколько угодно, – откликнулась за всех сразу добродушная толстуха у окна. – Девочка скучает, мы ж понимаем...

– Мы все тут скучаем! – пропела кривая женщина с изувеченным лицом, нарочито зевая и почесывая под мышками.

Курносая Дашина соседка была с этим не согласна, презрительно фыкнула и демонстративно повернулась к Несговорову спиной, наставив на него розовые пятки.

– Вас здесь кормят? – спросил Несговоров.

– Да ей же ничего пока нельзя! – уверенно ответила за Дашу толстуха. – А так дают кашу, суп в обед. Вчера котлеты были...

Он взял Дашину руку, погладил, крепко сжал, припомнив вчерашний свой страх. Она улыбнулась по-взрослому, прикрыла глаза.

– Расскажи сказку! – попросила зачем-то.

– Сказку? – опешил Несговоров. – Да я же не умею!

– Все равно. Расскажи!

– Ладно. – Несговоров тоже закрыл глаза, чтобы не видеть покрытых золотистым пушком ног Дашининой соседки и как следует сосредоточиться. – В одном большом селе жила была девочка Орежа Мурежа. Два имени у нее было потому, что ей когда-то привезли из-за границы два красивых наряда, и она каждый день их меняла. Сегодня, например, надевает немецкий наряд: оранжевую рубашечку с кисточками, оранжевую шелковую юбочку, оранжевые ботиночки и красивую оранжевую курточку со множеством маленьких и больших карманов на оранжевых застежках, и каждая застежка, когда ее открываешь, звучит по-своему, играет свою мелодию, так что девочка никогда не путала, в каком кармане что у нее лежит... Вот так. И в этот день и дома, и в школе, и все знакомые и подружки зовут девочку Орежей. И тоже ни с кем другим ее не перепутывают. А назывался этот немецкий наряд – «казачок»...

– Давай-ка погромче, мы тоже послушаем, – крикнула от окна толстуха. Кривая прошепелявила «тым-тым-тым, казачок!», подперла рукой щеку и приготовилась всплакнуть. А веснушчатая, близость которой Несговоров ощущал даже с закрытыми глазами, недовольно заскрипела кроватью, громко шлепнула разок-другой по своей подушке, устраиваясь поудобней, и в результате нечаянно прижалась жаркой пяткой к его колену.

– Второй наряд привезли девочке из Америки, и назывался он «пастушок». Так что назавтра надевала она желтую ковбойку, желтые брючки, заправляла их в желтые сапожки, а поверх всего натягивала сверкающее желтое пончо – плащ из удивительно крепкой и теплой ткани, в котором не страшны были ни дожди, ни холода. И тогда эту девочку все знали под именем Мурежа и тоже ни с кем не перепутывали. В особенности же никто никогда не путал Орежу с Мурежей, это было невозможно, настолько по-разному они были одеты. У Орежи были одни

друзья и подруги, у Мурежи – другие; Орежа сидела в классе за одной партой, Мурежа – совсем за другой. И Орежа и Мурежа ходили в школу через день, но поскольку это была одна девочка, то на самом деле никто из них не пропускал ни урока, они все знали назубок и получали только отличные отметки. Поэтому на их систематические пропуски учителя смотрели сквозь пальцы. Только мама с папой у Орежи и Мурежи были общие, но они даже не догадывались, что у них целых две дочки, потому что уходили на работу рано утром, когда Орежа Мурежа еще дремала в кровати, не зная, кем она сегодня будет, а возвращались поздно вечером, когда Орежа или Мурежа припрятывала по шкафчикам свои пончо, юбки, брючки, рубашечки, курточки, сапожки, ботиночки и прочие детали туалета и оставалась непонятно какой девочкой, которая или плескалась в ванной, или уже успевала забраться в постельку и притвориться спящей. Именно эту непонятно какую девочку, совсем голенькую или в простенькой ночной рубашонке, папа с мамой только и знали, любили ее больше всех на свете и звали тоже очень просто – Уся...

Даша захихикала. Несговор сам удивлялся, как ловко у него сочинялось, теперь ему самому хотелось узнать, что будет дальше. Он открыл глаза, поправил на Даше одеяло и не сдержался – глянул-таки украдкой на соседку. Девушка будто этого и ждала: тотчас перевернулась на спину и сладко и томно потянулась, отчего коротенький халатик задрался еще выше. Даже бедра у нее были густо усыпаны веснушками.

– Ну чего застрял, дальше давай! – потребовала толстуха.

В голове Несговорова немного помутилось, он для устойчивости оперся рукой о край чужой постели, поближе к золотистым икрам, и кое-как продолжил:

– И все бы ничего, да только подросла Орежа Мурежа, и пришла ей пора искать жениха. А надо сказать, что из любимых нарядов своих, «казачка» и «пастушка», она не только не выросла, но до того они стали ей впору, до того она была в них хороша, что ни одну другую девушку с Орежей или Мурежей и рядом нельзя было поставить. Кто бы из молодых красавцев ни встретил Орежу или Мурежу – тотчас забывал про все на свете, бросался за ними вслед и уже никогда не отставал. Так понемногу у каждой из них появилась своя толпа поклонников, и эти толпы громко топали за Орежей или Мурежей по улицам, поднимая пыль, как настоящие стада. Муреже легче было справиться со своим стадом, ведь она была «пастушкой». В дополнение к пончо и сапожкам она завела длинный желтый хлыстик и с его помощью держала поклонников на порядочном расстоянии. Но Ореже с ее шелковой юбочкой хлыст не подходил, поэтому она возвращалась с прогулок сильно запыленная и даже забрызганная грязью, если шел дождик, и горько жаловалась Муреже на свою судьбу. Беда была в том, что Мурежа никак не могла помочь Ореже и проучить своим хлыстиком ее неосторожных поклонников, потому что поклонники у них были совсем разные. Кто первой видел Орежу, тот уже не мог изменить ей даже с Мурежей, до того сильно он влюблялся. И наоборот, влюбившийся в Мурежу уже не глядел на Орежу. Правду сказать, все они уже ни на кого больше не могли глядеть, лишь сидели у ворот Орежи Мурежи и плакали. По одну сторону ворот – поклонники Орежи, по другую – поклонники Мурежи. Когда открывалась калитка, одни с радостным визгом, смехом и песнями устремлялись за своей возлюбленной, а другие начинали плакать еще горше, потому что знали, что Орежа с Мурежей никогда не гуляют вместе, но только по очереди...

– Нет, не могу больше, это ж одни слезы, – сказала кривая и громко шмыгнула покаленным носом.

– Ну и не слушай, а другим не мешай, – резонно возразила толстуха.

Как-то само собой вышло, что рыженькая ножка примостилась на коленях Несговорова, и он между делом, робея и волнуясь, приглаживал шелковистые волоски и пробегал невзначай пальцами по мягкой ступне. От этого занятия у него иногда темнело в глазах, но язык сам находил дорогу и продолжал плести свое. Рассказ даже выигрывал, выходя на рискованные повороты и обретая сладостное напряжение. Даша ничего не замечала: она слышала, как ее

соседка изредка пофыркивает, но считала, что все дело в забавной сказке, и тоже заливалась тихим смехом.

– Самой Ореже Муреже никто из поклонников не нравился, иначе она, конечно, сразу бы положила этому безобразию конец, просто выйдя замуж. И надо же было случиться, чтобы в один и тот же день приехали в это село, каждый по своим делам, два молодых красивых богатых иностранца: один из Германии, а другой из Америки. Разумеется, американец сразу же безумно влюбился в Мурежу, а немец – в Орежу. Но самое невероятное, чему и объяснение трудно сыскать, было в другом. Ореже самой приглянулся немец, да так сильно, что она даже Мурежу об этом забыла известить. А та, только вышла погулять, встретила американца – и полюбила его больше жизни.

– Это верно, нынче наши девки все на иностранцев кидаются, – сокрушенно отметила толстуха, издали бросая в сторону блаженно улыбающегося Несговорова подозрительные взгляды.

А он и сам чувствовал, что игра, как и сказка, дошла до пиковой точки, когда надо на что-то решаться.

– Но ведь одна девушка не может любить сразу двоих, будь они даже самые распрекрасные на свете иностранцы, верно? А уж тем более выходить за обоих замуж? – Несговоров в последний раз ласково провел ладонью от коленки до стопы, подхватил загулявшую ножку за пятку и аккуратно уложил ее на койку рядом с напарницей. – Погоревали Орежа с Мурежей, поплакали ночку, наперебой жалуясь друг другу на свою несчастную долю, а утром приняли трудное, но единственно верное решение. Орежа собрала свою одежку, Мурежа – свою, сложили они все это в печку и подожгли. Сколько было пролито ими слез, пока горели любимые вещички, – о том ни в сказке сказать, ни пером описать. Когда же дотлела последняя – кажется, это было сверкающее пончо Мурежи, а может, музыкальная курточка Орежи, кто знает, – вышла из дома одна-единственная никому не известная девушка в бедном простеньком платьице, что досталось ей в наследство от бабушки, и на душе у нее было до того легко и спокойно, что она подпрыгивала, напевала песенки и готова была чуть ли не полететь. Отворила она калитку и пошла себе куда глаза глядят. Выпучились на нее два полчища поклонников, с немцем и американцем во главе, но никто не додумался, что это и есть Орежа Мурежа, их единственная любовь до гроба, и все остались ждать: кто Орежу, а кто Мурежу. Так и сидят до сих пор у ворот и горько плачут, потому что никто к ним, как вы понимаете, больше не выходит...

– А с ней? Что стало с ней? – требовательно спросила Даша.

– С кем – с ней?

– С Орежей Мурежей!

– Так ведь не стало уже ни Орежи, ни Мурежи.

– Тогда с Усей! – подсказала мстительная соседка.

– Не увливай, дядя Вадик! – возмутилась Даша, получив поддержку.

– О-хо-хо! – зевнула толстуха. – Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец...

– Да никакой это не конец! – запротестовала Даша. – Куда она пойдет, в одном бабушкином платье и без женихов?

Соседка прыснула в кулак, женщины загалдели, обсуждая варианты, но в эту минуту в палату ворвался взлохмаченный Волк.

– Так и знал, что найду вас здесь, – пророкотал он Несговорову. – Выйдем-ка на минутку, у меня к вам дело.

– Ой, не ругайте его, – от всех заступилась кривая. – Он такие сказки рассказывает!

– Я обязательно узнаю, что было дальше с Орежей Мурежей, – пообещал Несговоров, погладив Дашу и подмигнув на ходу ее лукавой соседке.

Волк провел его в свой кабинет и там, усадив возле стола, вручил сложенный вчетверо листок.

– Читайте спокойно, я пока займусь делами.

Несговор с некоторым недоумением развернул бумагу – и разом почувствовал озноб и жар, как от прикосновения к раскаленному железу. Он никогда не видел этого почерка, но сразу его узнал. Некрупный, быстрый, с острым наклоном и трогательно выведенными прописными буквами – он как будто одновременно принадлежал стыдливой школьнице и искусственной женщине, великосветской даме и девчонке-сорванцу.

Вадим,

я только что услышала от нашей общей знакомой о постигшей Дашу беде. В больнице мне сказали, что Даша чувствует себя лучше и скоро встанет на ноги. Очень на это надеюсь. Знаю, что Вы ее спасли и сейчас находитесь рядом. Немного знаю лечащего врача, он действительно хороший врач и человек, ему можно доверять. Будьте с Дашей столько, сколько нужно для ее поправки, она Вас очень любит и теперь, конечно, привяжется к Вам еще сильнее. Но если неудобно оставаться в больнице на ночь и если в это время Ваша помощь Даше не потребуется, можете приехать ко мне. Внизу найдете адрес.

Я помню Ваше условие.

Маранта.

P.S. Как бы Вы ни решили, только не пропадайте! Потому что – да просто потому, что нельзя бросать тех, в ком однажды заняли так много места, вот Вам, и – как Вам не совестно!!

Несговор перечитывал записку еще и еще. Его всего трясло мелкой дрожью, с ладоней стекал пот. В каждом прочитанном слове ему слышался голос Маранты. Постскриптус просто оглушал, настолько бурно приливалась кровь к голове при чтении этих строчек. Никогда еще Маранта не говорила ему ничего подобного. Он задыхался, пытаясь постичь и принять в себя то безмерное, что заключалось в этих строках, но оно было выше всякого понимания...

В какой-то момент он опомнился, еще раз поласкал глазами заветный адрес и трепетно сложил бумагу по старым сгибам. И только тут осознал, что письмо было подано ему открытым, без конверта.

– Вы знаете, что тут написано? – спросил он Волка недоверчиво.

– Нет, конечно! – ответил тот. – Я не читаю чужие письма. Могу лишь догадываться.

Несговор впервые почувствовал неприязнь к этому увальню, невесть как оказавшемуся поверенным в сердечных делах Маранты.

– Вот как? И что же дает вам основания... догадываться?

– А? Да то, что я вернул ее к жизни вот этими руками! – Волк раскрыл здоровенные ладони, сразу давая понять, что никакой тайны тут нет. – Родную дочь так не знают, как я ее знаю и чувствую. Она попала в наш город после той резни в Фергане, помните? Чудом вырвалась, их ведь там уничтожали целыми семьями. Родители и брат погибли у нее на глазах, а ей довелось выжить. С группой беженцев занесло сюда. Они по всей России с перепугу расползались, думали, чем дальше убегут, тем лучше... Вашей девчужке сколько, тринадцать? Ей было одиннадцать, когда она ко мне попала. Не пожелал бы я вам ее тогда увидеть, краше в гроб кладут. Коллеги советовали дать ей спокойно умереть, никто не верил... Ничего, выходил. Больше своим теплом да дыханием, вам ли это объяснять.

– Уже третья версия за два дня, – пробормотал Несговор, сидя с опущенной головой. – Выходит, она турчанка?

– Ваш вопрос не по адресу. – Волк почему-то оскорбился. – У меня другая специальность.

Несговоров опять развернул листок и уставился в него, словно надеясь вычитать тайну Маранты между строк.

– Как же она очутилась в Мексике?..

– Про это что, в письме сказано?

– Нет. Просто она поминала приют в Гвадалахаре. Этой ночью. Хотя нет, прошлой... Или позапрошлой? Когда мы на чердаке обсуждали «Человека огня». И у меня не осталось сомнений, что она выросла где-то рядом с этой фреской, глядела на нее изо дня в день, год за годом...

– Про фреску ничего не знаю. А вообще она фантазерка. Могла часами расписывать, как зреют у нее под окном банановые грозди. Представляете? Ладно бы абрикосы, там, виноград, даже мандарины, но бананы! Еще запомнил из ее рассказов описание кокосовых пальм на берегу океана. Горячий белый песок, гладкие стволы, раскидистые шапки... Прямо как живые. Ее, бедняжку, перегрузили в детстве познаниями, вот она и сочиняла. Такими именами сыпала, каких я и не слыхивал. По-английски, по-испански шпарила как на своем родном, поэтов наизусть декламировала... Да, вроде по-испански. Мне-то языки плохо давались. Выписываю ей рецепт на латыни, а она: тут у вас ошибка, единственное число имеет другую форму, вы же, например, не Лупи, а Лупус – и начинается лекция... Лупус – значит, волк. Она меня так и звала. Латынь каждый день повторяла. Подойду вечером к кроватке, а она ладони так вот вместе сложит и что-то шепчет на латыни, глаза закрыты, лицо строгое... Красивый язык! Величественный. Сразу уходил, конечно, – она не любила, когда ее за этим делом заставляли. Родители ее, судя по всему, были люди образованные, с положением. Про них я и заикаться с ней боялся. Трагедия жуткая. Первое время бредила. Начнет непонятно, с тарбарщины какой-то. Подойдешь, погладишь ее по головке, заговоришь – тогда переходит на русский. На языке все жажда, да голод, да пытки, как будто про тюрьму рассказывает. Воздуха просила, поминала крыс. Потом – огонь в пустыне, обгорелые трупы... Да, приют тоже возник, теперь вспоминаю. Я еще подумал, что это пересыльный детский дом где-нибудь в Ташкенте. Часто говорила про костел. Откуда в Фергане костел?..

– Вы бывали у нее? Мне говорили, она живет в роскошном особняке...

– Милый мой, я врач. Какому больному охота вспоминать свои страдания и связанных с ними врачей? Знаю, что она успешно выступает на сцене, мне этого довольно. Не нуждается во мне – я и рад. Значит, здоровье в порядке. В гостях не бывал. Сегодня вот встретились у больничных ворот, поговорили, а до того несколько лет, наверное, не виделись... Не обращайтесь внимания, что письмо не запечатано, она же все-таки мне доверяет. Люди чувствуют кровную близость. А я лыщу себя надеждой, что мы с ней в некотором смысле одной крови.

– Скажите, как вам показалось... Наверное, об этом нельзя спрашивать. Но никто кроме вас не поможет мне разобраться. У нее есть кто-нибудь? Человек, которого она любит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.